

Душа человеческая. Положительное учение Православной Церкви и святых отцов

Богopodobная ее сущность, нескончаемость, способности, действия и загробное состояние с приложением нравоучительных слов о сем же предмете.

Положительное учение православной Церкви и Святых Отец.

Выписки из разных духовных книг.

Выписки из Священного Писания о душе человеческой

Образовал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт.2:7).

Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителево оживило меня (Иов.33:4).

Жив Господь, Который сотворил нам душу сию (Иер.38:16).

Изречение Господа, распростершего небо, основавшего землю и сотворившего дух человека внутри его (Захар.12:1).

Обратится прах в землю, чем он был, а дух возвратится к Богу, Который дал его (Еккл.12:7).

И вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои (Иез.37:10).

Кто из человек знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем (1Кор.2:11).

В руке Которого (Господа) душа всего живого и дух всякой человеческой плоти (Иов.12:10).

Для чего мне носить тело мое в зубах моих, и душу мою полагать в руку мою? (Иов.13:14).

Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва (Иак.2:26).

Сын человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасать (Лук.9:56).

Вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии (1Кор.6:20).

Мы не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере ко спасению души (Евр.10:39).

Душою своею я стремился к Тебе ночью, и духом своим внутри меня я ревностно ищу Тебя (Ис.26:9).

Человек, не владеющий своим духом, – город разрушенный, не имеющий стены (Притч.25:28).

Не убойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить, а убойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне (Мф.10:28).

Какая польза человеку, аще и весь мир приобретает, душу же свою погубит (Мф.16:26).

Вы не по плоти живете, но по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его (Рим.8:9).

Если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности (Рим.8:10).

Если живете по плоти, то умрете; а если духом умерщвляете дела плотския, то живы будете (Рим.8:13).

Все водимые духом Божиим, суть сыны Божии (Рим.8:14).

Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии (Рим.8:16).

Обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти, и покроет множество грехов (Иак.5:20).

Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом (1Кор.6:17).

Которым Он и находящимся в темнице духам, сошедши, проповедал (1Петр.3:19).

Сам Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа (1Сол.5:23).

Изнемог во мне дух мой, унывает во мне сердце мое (Пс.142:4).

Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою (Пс.142:3).

Душа моя к Тебе, как жаждущая земля (Пс.142:6).

Ради имени Твоего, Господи, оживи меня; по правде Твоей выведи из тесноты душу мою (Пс.142:11).

По милости Твоей истреби врагов моих, и погуби всех, угнетающих душу мою (Пс.142:12).

О достоинстве природы человеческой¹ Св. Григория Нисского

Видимое преимущество человека пред прочими тварями земли состоит в том, что он царь и Владыка над ними. Но это видимое преимущество часто было оспариваемо или неправильно понимаемо; поэтому св. Григорий с особенным воодушевлением говорит об этом предмете.

Творец дал человеку двоякую природу, то есть природу чувственно-духовную, и это для того, чтобы мы имели общение с Богом и с природой видимой, чтобы могли наслаждаться и временем и вечностью. Получив такую природу, человек делается существом, соединяющим в себе весь мир: он имеет и душу растительную, общую с растениями и душу животную, общую с животными; но при этом есть у него и душа разумная, которая делает его владыкою земли (в строгом же смысле слова человек имеет не две или три души, а одну душу – бессмертную и разумную). В человеке заключается единение противоположностей между высшим и низшим, небесным и земным, разумным и неразумным, свободным и несвободным духом и материей.

Все – небесное и земное – должно соединиться для гармонического прославления Троидного Бога, – единого несозданного, неизменяемого, источника всякой жизни и бытия; и человек имеет высокое назначено – быть посредником между небом и землей, между неразумными тварями и высшим миром Ангельским.

Изучение свойств богоподобной души человеческой – самая важная наука на земле

*Образ есмь неизреченныя Твоя
славы, аще и язвы ношу прегрешений...*
(Св. Иоанн Дамаск.).

²Видно, что высоко ценили отцы Церкви учение о душе нашей, когда во многих случаях излагали это учение. Действительно, – «из всех наук, величайшая наука – познать самого себя». Мы должны прежде всего стараться познать самих себя. Кто имеет правильное познание о тварях, которые Бог произвел из ничего, тот знает также и достоинство умного и бессмертного духа человеческого. Кто знает, что душа человеческая бессмертна, что Господь наш Иисус Христос есть образ Бога Отца, что по подобию сего истинного вечного Образа Божия сотворены все духовные разумные существа. Никто не может познать Бога, не познав прежде самого себя. Ибо если внемлешь себе, то не будешь иметь нужды искать следов Зиждителя в устройстве вселенной; но в себе самом, как-бы в малом каком-то мире усмотришь великую премудрость своего Создателя.

³От незнания же основ душевной жизни человека, от забвения о свойствах души и ее высоком назначении, можно всецело извратить и испортить свою временную и погубить вечную жизнь. Слово Божие учит нас, что нет большей заботы в мире для человека, как забота о вечном спасении души. Господь наш Иисус Христос сказал, что, если бы человек приобрел и весь мир со всеми его сокровищами, но погубил бы душу свою, то он не сделал бы для себя никакого приобретения, никакой пользы. Так драгоценна, по суду Божию, одна душа человеческая! Как же не стараться узнать ее богоподобную природу, ее свойства и способности, ее потребности, ее назначение? Некогда, в вечности, мы глубоко, но бесплодно будем жалеть, что были невнимательны в продолжение временной жизни к внутренней своей природе. Посему, пока

находимся еще в сей жизни, будем стараться узнать свою душу и ее назначение, и сообразно с сим проводить свою жизнь.

О существовании души в человеке

Вопрос: Что служит доказательством существования личной (субстанциальной) души в человеке?

Ответ: Ее действия. Эти действия ясно показывают, что душа не есть качество материи или соединения всех качеств, но есть деятельность невещественная, деятель сокровенный в нашей природе и непостижимый для чувств, словом – существо самостоятельное и духовное.

Несмотря на свою невидимость, душа является существом совершенно отличным от тела, действующим в нем и чрез него, и, при посредстве его органов, наблюдающим и познающим. Этот мысленный процесс (действия души), совершающийся внутренно, свидетельствует о существовании в теле силы высшей, духовной. Ибо, что могла бы узнать испытующая пульс рука врача, если бы не было в нас духа, который по ощущению узнает о причине известных явлений? Как могли бы и прочие чувственные органы способствовать к познанию сокровенных причин, будучи отделены от духа?..

Св. Григорий Нисский.

Доказательством существенного отличия души от тела служит еще и то, что один только человек рассуждает о находящемся вне его, мысленно представляет и то, чего нет пред ним, и опять рассуждает и обсуживает, чтобы из обдуманного избрать лучшее. Бессловесные видят то одно, что перед ними, стремятся к тому одному, что у них перед глазами, хотя бы впоследствии был от того им вред; но человек стремится не к видимому, а напротив того, видимое глазами обсуждает рассудком; нередко, устремившись уже, бывает удержан рассудком, и что им обдумано, обсуждает снова. И всякий, если только он друг истины, сознает, что ум человеческий не одно и то же с телесными чувствами, а потому, как нечто иное (высшее), бывает судиею самых чувств; и если чувства чем предзаняты, то ум обсуживает и припоминает это и указывает чувствам лучшее. Дело глаз – видеть только, ушей – слышать, уст – вкушать, ноздрей – принимать в себя запах, рук

– касаться; но рассудить, что должно видеть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять, – не дело уже чувств; судят же о сем душа и ум ее.

Таким образом, по отношению к телу душа составляет истинную и существенную его форму, служит началом, заправляющим его жизнью и его ощущающею природою. Она живет во всех частях тела и везде в нем обнаруживает свою деятельность. поскольку и чувства в теле бывают настроены, как лира, когда управляет ими сведущий ум, тогда душа рассуждает и знает, что делать и как поступать. Но сие свойственно только людям, и сие то есть разумность человеческой души, пользуясь которою, отличается она от бессловесных и доказывает о себе, что она действительно не одно и то же с видимым в теле. Тело часто лежит на земле, а человек представляет и созерцает, что на небе. Тело часто покоится, безмолвствует и сидит, а человек – внутренно в движении, и созерцает, что вне его, переселяясь и переходя из страны в страну, встречаясь с знакомыми, нередко предугадывая и предугадывая по этому дела свои на другой день. Что же это иное, как не разумная душа, которая в человеке размышляет и представляет, что выше его? Далее, тело по природе смертно, почему же человек размышляет о бессмертии и нередко из любви к добродетели (как было во времена гонений) сам на себя навлекал смерть? Или еще, – тело временно, почему же человек представляет себе вечное, и поэтому пренебрегает тем, что у него под ногами, вожделеваает же вечного? Тело само о себе не помыслит ничего подобного; оно не помыслило бы и о том, что вне его; потому что оно смертно и временно. Необходимо же быть чему либо другому, что помышляло бы о противоположном и неестественном телу. Итак, что же это опять будет, как не душа разумная и бессмертная? Не со вне, но внутри в теле, как музыкант на лире, производит она совершеннейшие звуки.

Опять, – глазу естественно смотреть, и слуху слушать; почему же одного отвращаются они, а другое избирают? Кто отвращает глаз от зрения? Или кто заключает для слышания слух, по природе способный слышать? Или кто нередко

удерживает от естественного стремления вкус, по природе назначенный для вкушения? Кто запрещает до иного касаться руке, по природе деятельной? И обоняние, данное для ощущения запахов, кто отвращает от принятия в себя оных? Кто производит сие вопреки тому, что естественно телу? Или почему тело, отвращаясь от требуемого природою, склоняется на совет другого (т. е. ума) и обуздывается его мановением? Все сие доказывает не иное что, как разумную душу, владычествующую над телом.

Тело не само себя движет, но приводится в движение и движется другим, как и конь не сам себя впрягает, но понуждает его владеющий им. Посему то и даются людям законы – делать доброе и отвращаться от порока; для бессловесных же, лишенных разумности и мышления, и худое остается невнятным и доброе безразличными

Св. Афанасий Великий.

О происшествии, то есть о начале бытия души человеческой

Войди глубже в себя самого, всмотрись в душу свою как бы в некое зеркало, разбери ее устройство, и увидишь, что ты создан по образу и по подобию Божию... И удивительно, в чем только состоит этот образ и подобие!.. Ум человеческий не может постигнуть ни условий бытия Божия, ни того, каким образом сущность души нашей производится и является к бытию.

Вопрос: Откуда бывают души человеческие и из чего происходят?

Ответ: Пусть твоя любовь знает касательно сего предмета, что у Отцов Церкви не малое было исследование о происхождении души, но осталось неизвестным: нисходит ли она от Адама, или дается каждому порознь? Признали, что этот вопрос не разрешим в настоящей жизни. Действительно вопрос велик и не может быть обнят человеком.

Вопрос: Как же решит эти недоумения?

Ответ: Хотя вопрос о происхождении души остается окончательно неудоборазрешимым в настоящей жизни, однако же для возможного решения надобно признать, что души творятся Богом не из ничего, а от душ родителей. Ибо имея такое начало, они не имеют необходимости подвергаться смерти, потому что от духовного семени, от душ родителей, а не от плоти и крови их, происходят они; вместе с тем они необходимо подвергаются заразе первородного греха, потому что природа корня сообщается и летораслям его.

Как гадаю сам (говорит св. Григорий Богослов) и как слышу от мудрых, *душа есть Божественная некая струя и приходит к нам свыше. Душа происходит от Бога, то есть творится Богом.*

Вопрос: Когда же именно совершается Божественное творение души?

Ответ: О происхождении душ человеческих⁴ Православная Церковь, на основании Священного Писания всегда держалась,

как и ныне держится (Правосл. испов. ч. 1, на вопр. 28) мысли, что они творятся Богом. Об этом непрерываемо засвидетельствовал пятый Вселенский собор, когда, осуждая мнение Оригена о предсуществовании человеческих душ, выразился: «Церковь, последуя Божественным словам, утверждает, что душа творится вместе с телом, а не так, чтобы одна творилась прежде, а другое после, по лжеучению Оригена».

Как же понимать это творение душ? Сама Церковь с точностью не определяет, но, на основании представленного свидетельства пятого Вселенского Собора и в соответствии с другими догматами Церкви, надобно полагать, что здесь разумеется не непосредственное творение Божие, а посредственное, – что Бог творит человеческие души, как и тела, силою того самого благословения, «раститься и множиться», которое Он даровал нашим праотцам еще вначале; творит не из ничего, а от душ родителей. Ибо, по учению Церкви, хотя души человеческие получают бытие чрез творение, но так, что на них переходит от родителей зараза прародительского греха, а этого не могло бы быть, если бы Бог творил их из ничего. Как же именно творятся человеческие души и соединяются с телом? Образование тела, как вещественного, происходит во утробе матерней постепенно, а душа, как существо простое, может твориться только мгновенно, и действительно творится и дается от Бога, по учению Православной Церкви: «в то время, когда тело образуется уже и соделается способным к принятию оной» (Прав. Испов., ч. 1, отв. на вопр. 28). Так учили и древние учителя Церкви: Кирилл, Александр, Августин, Феодорит, Геннадий и другие, причем в доказательство своих слов указывали на слова св. пророка Моисея: «аще кто поразит жену непраздну и изъидет младенец ея неизображен, тщетою да отщетится. Аще же изображен будет, да даст душу за душу, око за то» (Исх.21:22–24). Этим самым он дает разуместь, что неизображенный или необразовавшийся младенец еще не имеет души, а образовавшийся имеет душу. С другой стороны, можно указать и на другие места Св. Писания, из которых видно, что младенцы еще во утробе матерней,

след., до рождения своего, имеют души. Напр., о Ревекке замечено: *«играла же младенца в ней»* (Быт.25:22); св. Елисавета говорит о самой себе пред Пресвятою Девой Марию: *«взыграл младенец радостями во чреве моем»* (Лк.1:44).

А так как, по сказанию Евангелия, благовещение Пресвятой Деве Марии было в шестой месяц по зачатию св. Иоанна Предтечи, а чрез несколько дней было и свидание Девы Марии с Праведной Елисаветой, то из сего явствует, что младенцы в шестой месяц по зачатию уже имеют душу и оживают.

Составитель.

Но быть может спросит кто: если душа человека творится мгновенно и дается младенцу по образованию тела его в совершенный вид, то как же может тело образоваться в утробе матерней и возрасть до принятия в себя души? Может образоваться и возрасть с задатками жизненной силы именно такой, какую имеют животные, ибо они не получают от Бога отдельной души, но все же имеют жизнь.

Составитель.

Примечание. Тело человеческое образуется из созданного Богом вначале вещества, душа же каждого человека является в мире новым духовным творением, хотя неведомым образом и происходит от душ родителей. Посему то душа человеческая и бессмертна, что она – самостоятельная духовная сущность, ни от кого и ни от чего, кроме Бога, независимая.

Составитель.

Чем отличается душа человеческая от души животных.⁵

Признавая душу в человеке, было бы непоследовательно не признать ее в то же время и у животных, тем более, что об этом ясно говорится при сотворении мира (Быт.1:20–26), но между душой человека и душой животного лежит непроходимая пропасть. У животных душа не отделима от тела (в св. Писании часто говорится, что душа у них та же кровь) и психика их так тесно связана с физической природой животного, что почти невозможно узнать: где она кончается и где начинается. Хотя душа животного и является внутренним духовным принципом, организующим материю, тем не менее она не может самостоятельно существовать и действовать без материи. Как часть материального существа, она сама как бы материальна и потому может существовать до тех пор, пока материя, с которой она связана, остается живою. Далее, никто никогда не видел души животного в спиритических сеансах; не бывает явлений душ умерших животных, подобно тому, как бывают явления душ умерших людей, все это происходит потому, что душа животного не личное, не духовное, не самостоятельное существо. Несамостоятельность души животного видна из того, что она не может, подобно душе человека, господствовать над своим телом, физическими потребностями или над болезненными страданиями.

Животные не обладают способностью к мышлению, что свойственно человеку, как разумному существу; они имеют только ощущения и чувственные влечения, но мысли, в собственном смысле этого слова, не имеют. Человек признает и мыслит мир идей, мыслит о вечности, о Боге и, наконец, о себе самом и, таким образом, воспроизводит свое собственное бытие, как факт своего сознания; отсюда в том именно и заключается некоторое богоподобие в человеке, что у него есть мысли, которым он может давать осуществление. Конечно физиологическим условием языка служит присутствие в организме человека особого голосового аппарата, способного

производить членораздельные звуки, но для того, чтобы уметь говорить, недостаточно обладать только этим органом речи, так как у многих пород обезьян устройство этого органа не менее совершенно, чем у людей, но, однако, они не произносят членораздельных звуков, потому что им «нечего говорить», их внутренняя жизнь ограничивается одними ощущениями и чувственными влечениями, для выражения которых достаточно мимических движений и нечленораздельных звуков. Кроме сего, образование способности говорить зависит не только от физиологического условия, но еще более и от психического, а этим психическим условием является вся сумма душевных сил человека: его ум, сердце и воля, по мере развития душевных сил человека раскрывается и присущий ему дар слова.

Отличительным признаком сознательной души человека есть ее разумность, возвышающая его над всем окружающим и делающая для него возможным не только просто научное знание, но даже и философию, что совершенно несвойственно душе животного. Также умственный прогресс (развитие) животным не свойствен, так как их ум родовой, как бы присущий материальной их природе; это видно из того, что ни откуда нельзя заметить, чтобы настоящие животные были умнее своих предков; следовательно, животные не имеют разумного мышления.

Далее, у животных нет свободы воли, которая служит отличительным признаком души человека. Движения животных всецело обуславливаются или внешними влияниями или внутренними инстинктивными влечениями, вытекающими из физической потребности сохранять и поддерживать свою жизнь; животные слепо, бессознательно подчиняются этим побуждениям и безотчетно следуют сильнейшему из них. Так как у них нет свободы воли, то поэтому у них нет нравственности, совести, долга, обязанности и т. п. Животные никогда не проявляют ни понимания смысла и цели своих действий, ни свободы выбора, ни самоограничения, а потому у них нет и чувства ответственности за свои действия.

Животные лишены способности к нравственному совершенствованию; у них также нет отвлеченных идей (мысли,

понятия): Бога, истины, добра и красоты. Также у животных нет религиозных идей, потому что религиозному чувству не соответствует у них ничего, а потому и бессмертия их душ животным не нужно, что делается ясным из следующих соображений: если животные не способны познавать и любить Бога в земной жизни, то, если бы для них существовала загробная жизнь, они чувствовали бы себя, как бы сказать, не на своем месте, т. е. не заслуженном своею чисто животною жизнью; их чувственная душа не сознавала бы вечного блаженства святых людей и не поняла бы райского духовного блаженства, а также не могла бы лицезреть Бога, подобно душам святых людей.

Если бы даже и допустить бессмертие души животных, то, все-таки, чего бы она низменная и чувственная могла ожидать в загробной жизни? Разве одной участи с душой такой же, т. е. чувственной и низменной, человека грешника? Но тогда это было бы несогласно с правосудием Божиим, так как душа животных только низменно-чувственная и не свободо-разумная.

Итак, душа животных стоит неизмеримо ниже души человека, имеет иную природу и не обладает такими высшими духовными качествами, как душа человека. Следовательно, душа человека, как личное, самостоятельное, духовное существо, не могла ни в каком случае произойти путем изменений и усовершенствований от души животных безличной, несамостоятельной и полуматериальной, которой никакое духовное усовершенствование не свойственно; на основании этого мы имеем полное право утверждать, что душа животного, какую была некогда, такую она осталась и до настоящего времени, такую же пребудет и впредь навсегда.

О сущности души

Вопрос: Что такое есть душа?

Ответ: Душа – сущность живая, простая, безтелесная, телесными очами по своей природе невидимая, бессмертная, словесно-разумная, безвидная, действующая посредством органического тела и сообщаящая ему жизнь и возрастание, чувство и силу рождения. Душа – сущность свободная, одаренная способностью хотеть и действовать, изменяемая в воле, имеющая ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Ибо, что глаз в теле, то ум в душе.

(Св. Иоанн Дамаскин).

Еще: душа есть дух умный, всегда движущийся, к доброй и злой воле удобен. Далее св. Иоанн Златоуст говорит: душа есть естество разумное и духовное, быстродвижное, непрестанно находящееся в деятельности, дражайшее всего мира, беспримерной и неописанной красоты, сущность, имеющая сродство с небесным, отнюдь впрочем не Божеского естества, но сродная небесным и бесплотным существам.

Блаженный Августин так говорит: душа есть естество созданное, невидимое, разумное, бестелесное, бессмертное, богоподобнейшее, образ имущее Создателя своего. На вопрос: что изъясняет образ Божий в человеке? Святитель⁶ отвечал: душа невидимая, разумная, живая, бессмертная и самовластная. Человек создан по образу: владычества, господства и самовластия. По подобию: быть кротким, тихим и уподобляться Богу в добродетелях.

Святой Григорий Богослов учил так: душа есть существо умносозерцаемое, вечно пребывающее, образ и дыхание Всемогущего Бога, частица Божественного (конечно, не в собственном значении сего слова), струя невидимого Божества и бесконечного света, Божественный и неугасимый свет, заключенный в пещере (в теле).

Св. Макарий Великий смотрел на душу, как на творение умное, величественное, дивное, образ и подобие Божие,

имеющее беспримерно близкое родство с Богом, без малейшего, впрочем, общения между их существами⁷, наделенное всеми совершенствами свойственными духу, и, по чрезвычайной тонкости своей, удободвижное, быстролетное, неутомимое.

Св. Ефрем Сирин говорит, что душа наша есть прекраснейшее и преимущественное пред всеми творениями, любимейшее Богом творение, запечатленное тайною благодати и премудрости Его.

Душа человеческая – самостоятельная духовная личность

Хотя по существу своему все души человеческие тождественны между собою, то есть во всем подобны одна другой, но между тем каждая душа человеческая имеет свои личные особенности и обладает своеобразным развитием, которое выражается в свою очередь в общих и родовых формах человеческой душевной жизни. В истории творения мира повествуется, что Бог сотворил бессловесные одушевленные существа по роду их (Быт.1:25), а человека по его частной неделимой природе, как единичную и особенную личность (Быт.1:26 и далее). Этот образ творения совершенно соответствует назначению человека, который, как существо бессмертное, не исчезает в роде, а обладает собственным личным существованием во времени и в вечности. Поэтому человек никогда не может быть страдательным выражением или органом общей родовой жизни души. Наши слова, мысли и дела рождаются не из общей родовой сущности человеческой души, а из нашей частно-развитой, своеобразно-обособленной душевной жизни: только по этой причине они составляют *нашу* личную вину, или *нашу* личную заслугу, которой мы ни с кем не разделяем. В то время, как наука указывает общие и родовые условия для явлений душевной жизни вообще, священные писатели имеют в виду тот частный и особенный источник этих явлений в сердце человека, исходя из которого они, при своей общности делаются *нашим личным* состоянием и достоянием. А посему, сообразно своим делам, каждый человек примет от правосудного Бога или награду или наказание.

(Труды Киевск. духов, акад. 1860 г. Книжка 1, стр. 94).

О бестелесности и красоте души

Вопрос: Что же такое душа в сущности? Воздух ли это, или ветер, или огонь?

Ответ: Ни которая из сих вещей, потому что они телесны, а душа бестелесна, душу нельзя видеть очами телесными, нельзя ни осязать, ни ощутить никакими телесными чувствами. Действительно, «душа – духовное естество, бестелесная сила».

А что иногда души умерших являются видимым образом, то это бывает по особому устройению Божию. В таких случаях, вероятно, души привлекают к себе какие либо вещественные частицы и таким образом преобразуются в видимый образ: или же, правильнее сказать, делаются видимыми непостижимым для нас образом, волею всемогущего Бога.

Составитель.

Святой Иоанн Дамаскин говорит: Бог по естеству своему совершенно бестелесен, душа же в сравнении с Богом, единым несравнимым, есть тело, а в сравнении с вещественными телами – бестелесна.

Блаженный Августин говорит: о душе никак нельзя говорить: длинна, широка, телесна. Потому то видишь, что кто хочет соделаться таковым, каковым был создан от Бога, т. е. богоподобным, тот все телесное презирает, и от сего мира отвращается, потому что мир телесен.

А так как душа не тело, то она и сильна созерцать нетелесное. Не будучи же телом, не имеет она и пространственных измерений. Все пространственное она содержит в памяти, а сама непространственна. Душа ни телесна, ни протяжена в долготу, ни растянута в широту, ни натянута в высоту, и однако ж в теле такую имеет силу, что в ее руках правление всех членов, и она держит как бы рычаг для производства всех телесных движений.

Макарий Великий говорит, что душа по собственной своей природе есть тело, хотя она и тонка, однако в существе, образе и виде, по тонкости своей природы – есть тонкое тело, посему то она имеет свойственный себе вид.

Душа человеческая есть дух совершенно бестелесный, но святой Макарий называет ее телом – не потому, чтобы она была телесна, но потому, что в сравнении с Богом, единым невещественным, неопределенным, неописанным и вездесущим, душа оказывается как бы грубого естества, так как она описуется свойственным ей видом и не вездесуща. Подобно сему нужно разуметь и об ангелах, потому что и они, находясь в известное время в одном месте, не могут быть в то же время в другом месте, и для перехода в другое место требуют некоторого времени, хотя и весьма малого,

Составитель.

Вопрос: Видит ли кто свою душу посредством откровения и Божественного просвещения?

Ответ: Как телесные глаза видят солнце, так умные глаза, просвещенные благодатию Божиею, видят душу в лице. Впрочем, мало христиан, которые видят ее.

Вопрос: Разве душа имеет вид?

Ответ: Имеет лице и вид, подобный Ангельскому. Ибо как Ангелы имеют свое лице и вид, и как внешний человек имеет свое лице, так и внутренний человек имеет свое лице, подобное Ангельскому, и вид подобный человеку. Можно видеть душу, но кому? Только достигнувшем высочайшей степени духовного совершенства.

Вопрос: Достаточно ли можно рассмотреть этот вид?

Ответ: Не больше, как сколько можно ослепительное в своем блеске солнце рассмотреть простому глазу; ибо и самый вид души ни какой либо вещественный, а подобный виду бесплотного и невидимого существа Ангельского.

Св. Иринеи говорит, что душа не только имеет вид свойственный своей природе, но и некие черты сего вида, отличающие ее (душу) от существа Ангельского; таковой вид получает она от теснейшего общения с телом. Душа бывает не на подобие Ангелов, но на подобие людей. Как вода, влитая в сосуд, будет иметь вид сосуда, в котором она замерзла, так самые души имеют образ тела, поскольку они приспособлены бывают к сосуду (т. е. телу) как это выше сказано. Душа уподобляется своим занятием: что она делает, в то самое и

отпечатлевается и принимает на себя вид, хотя, впрочем, един и прост образ ее, как замечает блаженный диадох.

Св. Златоуст говорит: Между телами те, которые легче и тоньше, и уклонились на путь ведущий к бестелесному, несравненно лучше и превосходнее других: небо прекраснее земли, огонь прекраснее воды, звезды прекраснее камней, а радуге мы дивимся гораздо более, нежели фиалке, розам и всем другим цветам земным. И между тем, если бы возможно было видеть красоту души очами телесными, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел: так слабо они представляют нам благолепие души.

О связи души с телом

Организм связан с духом не пространственными, а динамическими (т. е. основанными на энергии, силе) отношениями, в нем, значит, нельзя отыскивать какого-нибудь сидалища духа. А если только по отношению к духу устранить вопрос, где он помещается в организме, то форма связи между духом и телом окажется настолько же ясной, насколько вообще может быть ясной для мысли закономерная связь какой бы ни было деятельной причины с постоянным условием ее деятельности. Дух несомненно является самостоятельной причиной своеобразных деятельностей в мире, тело же составляет постоянное условие его деятельности; оно не носитель духа и не форма его существования, оно именно только данное условие его деятельности. Поскольку это условие дано, как постоянное и необходимое, дух находится, конечно, в необходимой зависимости от него; но поскольку он, в качестве деятельной причины, может действовать и на самые условия своей жизни, он, по самой необходимости своего существования при данном условии, необходимо приспособляет это условие к цели развития своей жизни в мире. Отсюда естественно становятся возможными две различные точки зрения на тело: как данное условие существования человеческого духа, тело является внешним по отношению к духу, а как созданное самим же духом – оно орудие его произвольной деятельности, оно является своим духу и составляет собственное тело духа. Короче говоря, связь души с телом не связь пространственных отношений, а только связь взаимодействия.

(Из брошюры «Дивные свойства души человеческой»).

О всеприсутственном бытии души в человеке

Как в теле есть приемательные орудия, так и в духе, этом верховном корне всего, именно: сердце – корень для духа, утроба – для крови, селезенка – для желчи, и иное для иного, а все это зависит от мозга. Дух, нисходящий из мозга, чувствительность, что в нервах, не просто подает всем членам, но по соизмеримости каждого... Этот дух, сообщаемый членам от головы, действует, касаясь каждого члена, потому что в нашей голове находятся умственные способности, так как ум, господствуя в голове, всюду созерцает, употребляя способность мышления.

Ум, имеющий в себе нечто Божественное и небесное, и преобладающий не только над телом человека, но и над всею природою, заключен в голове, как бы в какой крепости и оттуда обзирает он всю вселенную. Этот чертог души имеет круглый вид, который совершеннее всех других видов, тут то сей Божественный огонь и заключается как бы в некоем шаре, и скрывается как бы под небесами. Говорят, что владычица, повелевающая телом, должна находиться в самой высшей части, как бы в цитадели⁸; и что разум должен управлять человеком с высоты головы, подобно как Бог управляет миром с высоты неба. Сверх того органы зрения, слуха и обоняния находятся в голове и снабжены нервами, имеющими отношение к мозгу... Действительно, что может быть приличнее, душу, как царицу тела, поместить в голове и сердце, из коих одно среднее, другая высшая часть, подобно как Бог, Властитель Вселенной, обитает на небе, которое есть высшая страна. В пояснение сего читаем у св. Иоанна Дамаскина, что орган чувственности, или внешних чувств, есть передний желудочек мозга..., органом памяти служит задний желудочек мозга, который называется также мозжечком..., органом способности мышления служит средний желудочек мозга...; таким образом в голове совершается все, что относится к деятельности чувств и силы начальственной, т. е. ума.

Вместе с головой и сердце почитается особенным местопребыванием души, вездеприсутствующей в нашем теле.

Богopodobный дух – замечает Св. Ефрем Сирий – занимает небо – главу, в сердце же дух прохаживается как в своих чертогах. Потому то, неуклонно держащийся предания Святых Отцов Церкви, Собор Патриархов восточных подтвердил мысль православного исповедания, что душа преимущественно занимает место в голове и сердце, хотя присутствует и во всем теле.

Св. Димитрий Ростовский говорит: душа во всем теле вмещается, и ни один уд тела без души. Дух св. действует во всей Церкви; душа действует во всех членах одного тела. И св. Иоанн Дамаскин говорит, что душа соединена со всем телом и не объемлется им (т. е. телом), но объемлет оное, как огонь железо.

В заключение всего этого, св. Григорий Нисский говорит: мы решились показать, что присутствие души в теле непостижимо! Таинственно!.. и что ум не заключается ни в какой известной части нашего тела, то есть он равным образом находится во всех и по всем; и как извне он ничего не содержит, так и внутри он не заключается, но присущ тем способом, который не может быть ни изъясним, ни исчерпаем размышлением.

О нескончаемости бытия души человеческой, т. е. о бессмертии

*Поклоняются, Боже Отче, яко дал
ми еси душу бессмертную и святой
благодати причастную.*

(Стих св. Дмитрия Ростовского).

Определив всему временному начало, говорит св. Софроний Иерусалимский, Бог чувственным вещам назначил и конец временный, а существа разумные Он почтил достоинством бóльшим против тех, то есть временных: они никогда не умирают и не разрушаются, подобно чувственным вещам, которые текут и проходят.

Трояких жизненных духов сотворил Бог: одного, который не покрывается плотию; другого, который покрывается плотию, но не умирает с плотию.

Дух, непокрываемый плотию, есть дух Ангельский. Дух покрываемый плотию, но с плотию неумирающий, есть дух человеческий. Дух, покрываемый плотию, и с плотию умирающий, есть дух скотов и всех неразумных животных.

Потому человек ниже Ангела и выше скота, – так что он имеет нечто общее с высшим и низшим, т. е. бессмертие духа с Ангелом, а смерть плоти со скотом до тех пор, пока и самая смертность плоти не поглотится славою воскресения.

Бессмертная душа не будет воскресать так, как тело, а только возвратится в оное (Блажен. Феодорит).

Целый мир неравноценен душе: мир преходит, а душа нетленна, и пребудет нетленною, говорит св. Иоанн Лествичник.

Мы научены – говорит св. муч. Иустин, – что обессмертятся только одни приблизившиеся к Богу по святости и добродетели, и веруем, что жившие неправедно и не переменившиеся наказываются в вечном огне, конечно, продолжая свое и существование и сознание.

Смерть разрешения от одежды мертвых кож и касается души: ибо не как может разрушиться то, что несложно; а как это, послушай:

Из существующего ничто не разрушается само собою, иначе оно не составлялось бы и сначала; ибо что разрушается, то разрушается противным, поэтому разрушающееся таково, что оно может разрушиться. А что может разрушиться, то сложно; сложное многократно; слагающееся из различных частей слагается; различное не то же самое: следовательно, душа, будучи простою, не состоящею из различных частей, несложною и неразрешимою, по тому самому будет нетленна и бессмертна, И еще: не душа умирает, но тело, как скоро разлучается с душой. Итак, ежели бы душа была приводима в движение телом, то следовало бы ей, по удалении сего двигателя, умереть: но если душа движет телом, то тем более она может приводить в движение себя самую; а когда она имеет силу действовать сама собою, то несомненно будет жить и по смерти тела.

Но говоря собственно о бессмертии души, нельзя с строгою необходимостью доказать бессмертие ее. Ибо Тот, Кто даровал душе несложность и простоту, может и совсем уничтожить душу, и это не будет противоречить простоте ее; равным образом, Кто сообщил ей силу самодвижности, Тот же может и остановить эту силу. Следовательно, настоящее доказательство бессмертия души надобно искать не в самой сущности ее природы, а в свойствах Премудрого и Правосудного Творца ее, давшего ей природу бессмертную. Поэтому и Отцы Церкви утверждали, что душа наша бессмертна по благодати Божией. Знай – говорит Св. Кирилл Иерусалимский, – что ты имеешь душу свободную, творение Божие прекраснейшее, сотворенное по образу Создателя, бессмертное по благодати Бога⁹.

Вопрос: Какому же Божию свойству мы обязаны сим даром – «бессмертия»?

Ответ: Божией Премудрости и Правосудию. Премудрость Божия бессмертна и создательница бессмертия... Премудрость Божия, хотя изъявити разуму человеческому свое бессмертие, аки бы так глаголет: виждь, о человек!.. Мене знай быти вечну и бессмертну; не точию же Мене, но и душу твою от мене созданную веждь вечну быти и бессмертну.

Не было бы в душе человеческой ни мысли о Боге, ни о самом бесстрастии и бессмертии, не были бы таковы, как теперь, и произведения ее мыслей, если бы наделившая нашу душу такими силами Премудрость Божия не даровала в удел ей (т. е. душе) жизнь в нескончаемые веки.

В то время, когда тело лежит на постели – без движения, и спит как бы смертным сном, она (т. е. душа), действуя собственной силою, бодрствует и находится совершенно в ином состоянии, нежели в каком тело; и, как бы вышедши из тела, но в самом деле пребывая в нем, воображает и созерцает то, что превыше земли; ежели душа не редко, оставляя область земного, возносится к св. Ангелам и, ободряясь чистотою своего ума, приближается к ним, то не яснейшее ли она получит познание о бессмертии тогда, когда разрешится от тела, потому то она и мыслит и рассуждает о бессмертии и вечности, что сама она бессмертна и вечно жива. Поэтому же самому душа имеет понятие о Боге, сама для себя есть путь, из себя самой, а не извне получает познание о Слове Божиим.

Еще о бессмертии души¹⁰

В нынешнем веке истина бессмертия весьма много страдает от споров людей. А потому надобно обратить на нее внимание. Вечная жизнь – бессмертие для многих остается предметом темной веры. Почему истина сия темна? Что поставляет ее в таком мраке? Жизнь вечная затемняется для нас: 1) потому, что она принадлежит вещам будущим и, следовательно, противоположна жизни настоящей, которая принадлежит вещам настоящим. Это несходство жизни будущей с настоящей и производит то, что первая потемняется в глазах наших; притом все будущее само по себе для нас темно; 2) потому, что в человеке соединено смертное с бессмертным, тело с духом. Эта двойственность человека причиною того, что чувство наше всегда двоится между смертностью и бессмертием. Чувство смертности часто берет перевес низшей стороной – телесной. И поскольку эта временная сторона более развивается в нем, то весьма естественно более развиваться и господствовать в человеке чувству смертности. Соединение души с телом есть великая тайна. С одной стороны, душа разительно отличается от тела; но, с другой, она так тесно соединена с ним, что трудно различить их. Возьмем для примера вещь грубую, но выражающую нашу мысль. Сравним дух со спиртом: что в массе химический спирт, то в теле дух. Спирт в известной массе весьма трудно отличить от нее самой; это можно сделать только посредством сильного химического анализа (разложения). Так и дух можно отличить от тела только посредством сильного углубления. Вот две главные причины, потемняющие истину бессмертия! Для чего допущено это потемнение? Нравственная цель сего замечена давно уже. Она состоит в том, что неясность вечной жизни делает добродетель бескорыстнее. При ясном представлении ее человек стремился бы не к Богу, а к наградам. Добродетель собственно состоит в самоотвержении; но тогда она состояла бы в самолюбии: человек жертвовал бы собою не для Бога, а для себя же. Это цель более общая, но есть еще другая, по моему мнению, более

решительная. Вечная жизнь, без сомнения, много содержит прекрасного – привлекательного. Поэтому, если бы она раскрылась для нас, то многие стремглав устремились бы к ней, и самоубийство (быть может) сделалось бы всеобщим. Мрак же сей, отталкивая нас от жизни будущей, дает правильный ход жизни настоящей. Не будь его – тогда добродетель, нравственный порядок и гражданское бытие много бы должны потерпеть. Вот и цели, для которых допущен мрак, заслоняющий для нас свет вечной жизни!

Посмотрим теперь на самую истину бессмертия. Истина сия имеет две стороны: 1) *мрачную*, которую производят изложенные нами причины и которая состоит из *сомнений*, и 2) *светлую*, в которой сияет свет *доказательств*.

1) Главные пункты *сомнения* суть следующие: а) происхождение души, как бы материальное, и развитие ее временное, подобно развитию тела; б) ежедневное затмение души во сне, в котором нет разумной деятельности и который составляет половину человеческой жизни; в) ослабление способности души, как то: памяти и воображения, происходящее от ослабления сил физических, и г) расстройство души в некоторых болезнях.

Не останавливаясь на выяснении сих темных пунктов, чтобы не весьма распространить слово, посмотрим на светлую сторону бессмертия. Сторона сия состоит из доказательств, основанных на умозаклучениях. Доказательства эти суть следующие. Есть способ перевести бессмертие из предмета веры в предмет сознания. Но как это может быть? Этот способ был известен более всего аскетам и даже некоторым философам, а именно: Сократу и Платону. Он состоит в нравственном самосознании. Мнение, бывшее даже у некоторых богословов, что душа бессмертна по благодати, показывает или незнание души, или излишнее требование от благодати. Бессмертие есть существенное свойство души. Следовательно, созная чисто душу, мы не можем не созная и бессмертия, этого неотъемлемого качества. Если нет сознания бессмертия, то нет и полного сознания духа. В плотских людях тело и душа соединены весьма тесно и почти

составляют одно; напротив, в аскетах (монахах-подвижниках) союз сей тонее и раздельнее. Потому они скорее доходят до бытия души, нежели до бытия тела. С другой стороны, нравственное сознание в таковых людях усиливается. У людей светских ум наполняется мыслями о предметах телесных, временных, воля стремится к делам плотским, тленным, чувство занято вещественным, смертным; а аскеты мыслят о духовном, вечном и живут духовным, нетленным. Таким образом, вечная жизнь входит в их сознание, они живо сознают свою духовность, а с нею и вечность. Силою сего самосознания можно объяснить то, отчего аскеты жертвовали всем и самую жизнь для будущности. Такого рода люди не только ощущают тот невидимый нравственный порядок, который предполагают философы, но даже живут им, живя, по выражению апостола, в невидимом. Они имеют свой образ мыслей, свои правила и живут жизнью противоположной жизни обыкновенной, потому что управляются сознанием высшим. Не зная доказательств бессмертия, они живо чувствуют эту истину, и никакие возражения не в силах поколебать их. Этот путь к утверждению себя в вере в бессмертие есть самый лучший. Он мало известен в школе, но в жизни давно уже знают его.

Прежде душу совершенно подчиняли телу и говорили, что без известных частей тела она не может обойтись. Новейшие физиологи доказали противное. Самый мозг не безусловно необходим для ее действия. Она может сознавать себя правильно и при поврежденном мозге. Следовательно, возражение, что с потерей мозга теряется сознание души, не справедливо. Думают, что сумасшествие происходит от повреждения некоторых членов тела. Правда, это бывает; но видим и противное сему: находят сумасшедших, у которых телесные члены целы и здоровы. Из всего этого видно, что если в теперешнем бедном состоянии душа может отделяться от зависимости тела и существовать сама собою, то тем более она может существовать тогда, когда состояние зависимости ее от тела прекратится.

Во сне пространство и время для души почти не существуют. Потому она в это время соединяет в одну, так

сказать, точку прошедшее, настоящее и отчасти будущее, и живет жизнью, превышающею жизнь обыкновенную. Она в то время чувствует себя свободною от пространства и времени; видит прошедшее; заглядывает в будущее, проникает в дела других. Имеет ли эта деятельность свои законы? Она подчинена премудрейшим законам. Долго не знали, или, лучше, не обращали на это внимания; но в новейшие времена начали собирать сонники и наблюдать над сновидениями. Труд этот произвел систему снов, в которой показано, что сны у всех народов, как Нового, так и Старого света, подчинены одним законам, что проникновение в будущее есть во всех снах, что во сне душа более знает. Правда, в познаниях ее в то время приметна некоторая летучесть; но этой летучести у св. людей не бывает: они во сне беседуют ясно, определенно. Таким образом, душа человеческая еще в сей жизни живет в мире общем, божественном. Второго рода проявление будущей жизни бывает в болезнях. Здесь более, нежели во сне, проявляется другая жизнь души. Сны важные бывают очень редко; а потому необыкновенная деятельность души не всегда в них бывает заметна. Болезни, в которых проявляется будущая жизнь души, все суть нервные. Душа человеческая ограждена нервной сетью, и потому, когда сеть сия ослабевает, тогда она начинает действовать свободно. Особенно это заметно в лунатизме. В этом состоянии, по причине крайнего ослабления нервной системы, душа освобождается от влияния внешних предметов и возвышается над законами природы. Они в то время для нее не существуют, ибо душа силою своею носит тогда тело, не смотря на то, что оно подлежит главному закону природы – тяжести. То же бывает в сумасшествии, которое также происходит от ослабления нервов. В этом состоянии душа предугадывает будущее, необыкновенным образом припоминает прошедшее и проникает в дела других. Таковое же явление происходит в состоянии так называемых смертных обмороков. Здесь, также как и во сне, остается сознание, но нет чувства. Посему то не без причины утверждают, что в это время человек бывает или в раю, или в аду; действительно, душа наша переносится тогда в какой то другой мир. Для сего стоит прочесть статью в

«Вестнике Европы» за 1830 год, где представляется человек, который в сильном обмороке сознавал, как его погребали, но не мог двинуть ни одним членом тела¹¹. Вот как в болезненном состоянии проявляется другая жизнь души! Новейшие подвели это под искусство и посредством магнетизма заставили, так сказать, душу, производить подобные явления. Искусство это сделалось предметом шарлатанства и потому запрещается; впрочем, об нем много написано в книге, так называемой «Ясновидящей», и оно служит доказательством того, что душа в этом состоянии имеет проницательность. Опыты произвели весьма поучительные действия. Не зная их, мы не могли бы понять, как душа без мозга будет мыслить и сознавать. Из них мы узнали также важнейшую истину ту, что в душе есть две стороны и два сознания: низшее, обыкновенное, логическое и высшее, необыкновенное. Сообразно сим двум сторонам души, и в теле есть две системы: мозговая и желудочная. Душа может переходить из одной системы в другую. поскольку системы эти различны и не смешаны между собою, то душа, переходя из одной в другую, начинает иначе понимать и иначе действовать. Напр., лунатик иначе сознает в лунатизме своем, и иначе освободившись от него; в лунатизме забывает состояние естественное, а в естественном – лунатическое. Каждое из сих двух состояний имеет свое вчера и завтра, и одно с другим никогда не смешивается. Состояние сие есть предвестие будущей жизни. Это видно преимущественно из того, что человек в подобном состоянии возвышается над силами природы. Притом такое состояние души соединяется с некоторою злостью, показывающею, что душа с нетерпением желает, так сказать, вырваться из оков тела и перейти в мир свободы.

Эта необыкновенная жизнь души проявляется и естественным образом у людей святых. Что в других производит болезни, то у аскетов происходит натуральным образом. Рассказы о чудесах, произведенных ими, имеют всю истину. И действительно, достигнуть силы чудотворения можно посредством богомыслия. Спаситель, обещая дар чудес, не положил предел, но сказал: «верующий в Меня сделает, что Я

делаю, и более сего сделает». В святых людях это не свыше только происходит, но (при содействии благодати¹²) достигается и посредством полного развития духовной природы человеческой и ослабления природы телесной.

Итак, никто да не сомневается в истине бессмертия души. Сознавая же сию истину, и жить нужно так, чтобы по смерти всем нам не наследовать вечное мучение адское, а наследовать вечное блаженство на небеси.

Составитель.

Бессмертие души. (Из бесед Евсевия, архиепископа Могилевского)

Слово Божие раскрывает нам бессмертие нашей души, как истину общеизвестную. Оно говорит: *Бог созда человека в неистление, и во образ подобия Своего сотвори его: завистию же диаволею смерть вниде в мир (Прем.2:23–24)*. Человек был бы бессмертен и по телу, если бы по зависти дьявола не был вовлечен в грех. Бог заповедал Адаму: *от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесите от него: а в оньже аще день снесите от него, смертию умрете (Быт.2:17)*. Отселе явно, что только через грех подвергся человек смерти по телу. Но смерть тела не разрушает существа души, не прекращает бытия души. Премудрый говорит: *и возвратится персть в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, иже даде его (Еккл.12:7)*. То есть, из персти или из земли созданное тело опять возвратится в землю, из которой оно взято; а душа возвратится к Богу, Который создал ее по Своему образу.

Все ветхозаветные праведники верою в будущую жизнь усовершенались в благочестии и праведности, и были верны Богу среди тяжких испытаний настоящей жизни, все умерли в этой вере, как пишет Апостол: *по вере умроша сии вси, не приемше обетований. но издалеча видевшие я, и целовавшие, и исповедавшие, яко страннии и пришельцы суть на земли. Ибо таковая глаголющии являются, яко отечествия взыскуют (Евр.11:13–14)*; все они спасались верою в обетованного Икупителя: но Икупителя в настоящей жизни они не дождались, а только издали верою созерцали те благодатные дни, в которые имел Он совершить спасение рода человеческого, и радовались, уповая, что и они будут участвовать в спасении не в этой, а в другой жизни, и потому в этой жизни почитали себя странниками и пришельцами, показывая тем, что они ищут и ожидают отечества небесного.

Бог, промышляя о сохранении и воспитании веры в бессмертие, являл в ветхозаветной Церкви и чудесные

свидетельства о будущей жизни. Так праведный Енох (Иуд.1:14), за свою веру и праведную жизнь, Богом переселен был на небо, не видев смерти (Евр.11:5). Пророк Илия с телом взят был на небо (4Цар.2:11). Были примеры воскресения мертвых: так Пророк Илия воскресил сына бедной вдовы (3Цар.17:21); кости Пророка Елисея возбудили к жизни прикоснувшегося к ним мертвеца (4Цар.13:21).

Священное Писание Нового Завета предлагает нам более ясное учение о будущей жизни человека. Иисус Христос, *разрушивший смерть и явивший жизнь и нетление чрез благовестие*, как учит Апостол (2Тим.1:10), Своей проповедью всех призывает к будущей жизни. *Царство Мое*, учит Он, несть от мира сего (Ин.18:36). *Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное. Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, иже беша прежде вас (Мф.5:10–12). Так Сам Спаситель свидетельствует о вере ветхозаветных праведников в будущую жизнь, и всем ученикам Своим внушает готовиться к ней, обещая великую награду на небесах за все труды, скорби, изгнания и страдания, переносимые ради имени Его, Спасителя и Бога нашего. При другом случае Иисус Христос, приготавливая Своих учеников к мужественному перенесению гонений и скорбей, на поприще Апостольского служения, говорит: *не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф.10:28). Гонители, преследуя Апостолов и преемников их, могли вредить только телу, могли убить тело, а душе не могли повредить, когда гонимые, среди гонений, сохраняли истинную веру. Потому Господь учит не бояться гонителей и мучителей; *а бойтесь*, говорит, *могущаго и душу и тело погубити в геенне*, то есть – бойтесь Бога и Спасителя мира. Он Владыка жизни и смерти. Ему дана власть на небеси и на земли. Он predetermined Судия живых и мертвых. Его должны мы бояться. Какие бы скорби и болезни ни надлежало переносить нам ради Господа, мы должны благодушно и с радостью переносить всякие скорби и несчастия, только бы не*

оказаться нам нарушителями Его святой воли и не подвергнуться гневу Его, *могущаго и душу и тело погубити в геенне огненной*.

Обличая Саддукеев, не веровавших в бессмертие души, Иисус Христос говорит: *о воскресении же мертвых, несте ли чли реченнаго вам Богом, глаголющим: Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль? Несть Бог, Бог мертвых, но Бог живых* (Мф.22:31–32). Так Господь из свидетельства Моисеева закона, которого Саддукеи не отвергали, показывал им, что патриархи Авраам, Исаак и Иаков и после телесной смерти остаются пред Богом живы.

Беседуя с Марфой, сестрой умершего Лазаря, Иисус Христос говорил ей: *воскреснет брат твой*. Марфа говорит Ему: *вем, яко воскреснет в воскрешение, в последний день*. Иисус сказал ей: *Аз есмь воскрешение и живот: веруй в Мя, аще и умрет, оживет. И всяк живой и веруяй в Мя, не умрет во веки* (Ин.11:23–26). Иисус Христос и Своими делами показал, что Он есть начальник жизни, воскрешая мертвых одним словом, как воскресил Лазаря четверодневною. И неверующие не умрут, а будут жить по смерти; но их вечная жизнь, в удалении от лица Божия в мучениях, есть смерть, а не жизнь, и в слове Божиим называется смертию второю (Откр.21:8). Это раскрыл Господь в притче о богаче и нищем Лазаре (Лк.16:19–31). В притче этой Иисус Христос ясно учит, что как душа роскошествовавшего богача, так и душа нищего Лазаря по смерти тела остались живы: душа Лазаря наследовала блаженство с Авраамом, а душа порочного богача – осуждение, в удалении от радостей небесных.

Иисус Христос для того и приходил на землю, чтобы верующие в Него не погибли, но имели жизнь вечную, как Сам Господь учит: *такو возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodнаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин.3:16).

Апостол Павел, обличая неверие в будущую жизнь, говорит: *аще в живот сем точию уповающе есмы во Христа, окаяннейши всех человек есмы. Ныне же Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть. Понеже бо человеком*

смерть бысть, и человеком воскресение мертвых. Якоже бо о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут (1Кор.15:19–22). Апостол показывает нелепость неверия в будущую жизнь так: если мы, то есть Апостолы и все верующие во Иисуса Христа, только в этой жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков: потому что мы здесь ради Христа терпим презрение, гонения, мучения, каждый день умираем, чему неверующие во Христа не подвергаются. Но как несомненно, что Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших, так несомненна и будущая жизнь. Как смерть вошла в мир через человека, так через Богочеловека совершится и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут.

Итак, наша душа бессмертна; она будет вечно жить или на небе, или во аде. Если на земле до конца будем жить благочестиво и добродетельно, то наша душа вечно будет блаженствовать на небе. А если здесь будем жить беспечно, предаваясь грехам, и умрем во грехах, не принеся искреннего покаяния, то наша душа вечно будет страдать во аде. И самое тело некогда воскреснет и будет участвовать или в блаженстве праведника, или в мучениях грешника.

Поэтому, надобно нам всегда помнить о бессмертии своей души, и помня, заботиться о ее спасении, стараться всегда делать добро, чтобы наследовать вечную блаженную жизнь; надобно удаляться всякого греха, чтобы не подвергнуться вечному несчастью; надобно быть готовыми все потерять и всего лишиться в этом мире, только бы не погубить своей души. Христос Спаситель учит: *кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит (Мф.16:26).*

Чтобы не вредить своей душе, или не делать того, что удаляет душу от Бога и лишает спасения, надо всегда иметь Бога в уме и сердце, и чаще размышлять о мире духовном, о бессмертии души, о ее духовных совершенствах и благах, о вечном блаженстве праведных и о вечных мучениях непокаявшихся грешников. Кто, забывая о небесных сокровищах, заботится только о благах этой жизни, тот уподобляется такому купцу, который за ничтожные вещи отдает

золото, серебро и драгоценные камни. Все мы таковы, когда скоропреходящие, ничтожные блага этой жизни покупаем потерю благ небесных, потерю уготованного нам вечного блаженства. Помни, христианин, что ты имеешь одну душу, и бойся потерять ее на всю вечность.

Душевные способности и действия в отношении науки

Душа мыслью своей во мгновение ока восходит на небо, нисходит во ад, обтекает землю, проходит грады, бывает на всяком месте, мыслит все, что только может; воспоминает прошедшее, рассуждает о настоящем предусматривает будущее, уравнивает, судит, соединяет, разделяет и самые свои воображения. Она навывает разным языкам, всяким искусствам, высочайшим знаниям. Сколько диалектов (наречий, разговоров) ни слышите, сколько книг ни читаете, сколько художеств не видите, – все сие являет душевное действие. Ее суть изобретения те художественные орудия, посредством коих проходим через обширнейшие моря, нисходим во глубину морскую и извлекаем оттуда драгоценности, входим в недра земные, и искапываем металлы, измеряем величину солнца, луны и прочих планет; еще же постигаем сущее между ними расстояние, познаем время их течения, восхождения и захождения, равноденствия, затмения и взаимное их отстояние – как от себя самих, так и от земли. Возжигаем и погашаем огонь, впускаем и выпускаем воздух, измеряем действие огня, воды и ветров, видим и то, что, либо по величеству своему, либо по отдаленности, не подлежит нашему зрению.

Ее суть изобретения: микроскопы, телескопы, бинокли, пирометры, гидрометры, термометры, барометры, анемометры, граммофоны, компасы, телеграфы, кинематографы, фотографические аппараты и проч..., она вымышляет решения на всякие затруднительности, отражает запутанные и неудобопонятные софизмы, и проникает в сокровенные вещи.

Душа православствует, естествословствует, землемерствовсловствует, травословствует, матерословствует, врачесловствует, звездословствует, существословствует, духословствует, душесловствует, Богословствует.

Посредством же таковых действий господствует и обладает всеми земными вещами и всею землею. Судя о сем, никто не может не восхититься и не удивиться, видя толикое душевное

благородство и преимущество. И кто не возвеличить всесильную Премудрость Бога – Создателя души и не воззовет с порфироносным псалмопевцем: *«Дивно для меня ведение (Твое) высоко, не могу постигнуть его»* (Пс.138:6).

Душевные способности в отношении нравственности и Богообщения

В существе души заключено все, что есть на поверхности ее – в области свободно-сознательной.

В душе нашей есть какая то глубина, как бы лоно жизни, откуда все исходит и куда снова все, что человек в течение жизни ни мыслит, ни чувствует, ни желает – возвращается, чтобы составить одно целостное – нравственную природу души, куда же проникает свет обыкновенного сознания. В душе нашей ничто не пропадает, а все слагается в одно целое – вечный характер души, так что в своей глубине есть единая река жизни, слагаемая из различных потоков мыслей, чувств, желаний и дел.

В глубине своего существа душа наша соединена с самым Божественным Духом – все объемлющим и все пронизывающим, Который влечет все к Себе Своею Божественною красотою; значит, когда душа низойдет во внутреннюю глубину существа своего, тогда она чрез это вступит во внутренний союз с Богом.

Кроме того она состоит в связи с подобными себе существами мира духовного, ибо она есть гражданка царства духовного; значит, по отрешении от тела, она естественно должна вступить в общение с духами.

(Из сборника Киевск. Академ.).

Духовное зрение души

Каждая душа человеческая имеет духовные очи, данные ей для того, чтобы видеть Бога, подобно тому, как в каждом теле есть телесные глаза, устроенные для того, чтобы видеть предметы чувственного мира.

Поэтому для того, чтобы видеть Бога и убеждаться в Его бытии, нужно только смотреть на Него духовными очами. Но при этом требуется, чтобы эти очи были здоровы и не покрыты тьмой и нечистотой греховной, иначе они не увидят Бога, хотя Он для других будет видим, подобно тому, как больные глазами или слепые не видят солнечного света, не смотря на то, что он для зрящих не перестает существовать и светить.

И это око сердечное, или очи душевные, или просто Божественная в нас идея не есть мыслительная или рассудочная сила души, а скорее есть внутреннее ее чувство, или, точнее сказать, внутреннейшая и глубочайшая сторона этого чувства, какою оно обращено к особеннейшей области сверхчувственного и Божественного, подобно тому, как чувства внешние обращены к области предметов мира чувственного. Оно не гадательно или посредством выводов и умозаключений проникает в область Божественного, а непосредственно соприкасается к ней, принимая из нее живые впечатления; и выносимое им отсюда убеждение в бытии Божиим не есть основанное на каких либо посредствующих или логических выводах, а осязательное, живое, непосредственное убеждение, похожее на то, какое получается нами относительно бытия внешних предметов, без всяких посредств рассудочных, на основании одного свидетельства зрения и других внешних чувств. Не будь у нас этого духовного чувства, мы не имели бы возможности свою веру в бытие Божие доводить до степени осязательной и неотразимой несомненности.

Но оно дано каждому, будучи так нераздельно с природой души, как глаза с организацией тела, благодаря чему каждый имеет полную возможность осязательно убеждаться в бытии Божиим, как убеждается в бытии солнечного света имеющий

глаза. Если же не все пользуются этой возможностью, если некоторые готовы сомневаться в самом бытии Бога, то причина этому не в чем-либо ином, как в испорченности и низвращенности того, что составляет глаза души, в чем они сами виновны и их порочная жизнь.

Человек должен иметь душу, как блестящее зеркало. Когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое, так и человек, – когда в нем есть грех, не может созерцать Бога, потому что Он бывает видим для тех только, у кого открыты очи душевные и не помрачены грехами и злыми делами, как Сам Христос сказал: *«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»*.

(Из Богословия Еп. Сильвестра).

Способность души человеческой созерцать сновидения

Всякий знает, что такое сновидение и всякий имел их. Но нельзя думать, что эта способность души незначительна. Правда, есть сны пустые, являющиеся только повторением или отголоском того, что проходило во время дня. Но есть и *вещие сновидения*. Под именем вещих снов, в тесном смысле этого слова, разумеются сны с предвещанием или предсказанием будущего, а в широком смысле – все необыкновенные правдивые или имеющие смысл и значение сны в отличие от обыкновенных, как пустой игры воображения.

Еще языческие мудрецы различно судили о снах. Один языческий мудрец (Протагор) говорил: «каждый сон имеет свое значение, свой смысл, и для человеческой жизни полезно обращать на сны внимание». Другой языческий мудрец (Ксенофан) утверждал, что все сны пусты и обманчивы, и что заблуждается тот, кто обращает на них внимание и устраивает по ним свои дела. Истины нужно искать в середине, т. е. во-первых, не на все сны надобно обращать внимание и, во-вторых, не все сны надобно презирать, считать их пустыми.

Во-первых, – говорим, – не на все сны надобно обращать внимание, Сам Бог увещевает людей через Моисея «не гадать по снам» (Лев.19:26). «Безрассудные люди, – говорит Сирах, – обманывают самих себя пустыми и ложными надеждами; кто верит снам, тот подобен обнимающему тень или гонящемуся за ветром; сновидения совершенно то же, что отображение лица в зеркале» (Сир.34:1–3). Большая часть снов суть только естественное следствие возбужденного воображения человека. О чем человек днем думает, чем он сильно заинтересован, чего он страстно желает или не желает – это и снится ему. Св. Григорий рассказывает об одном человеке, который безрассудно верил снам, и которому во сне обещалась долгая жизнь. Он собрал много денег, чтобы иметь чем благополучно прожить долгую жизнь свою, но вдруг заболел, и вскоре умер и, таким образом, не мог сделать никакого употребления из своего

богатства, и в то же время не мог взять с собою в вечность никаких добрых дел.

Следовательно, есть много снов пустых и обманчивых, которые или просто ничего не значат, или же бывают по действию бесовскому для прельщения нашего, а посему на таковые сны не надобно обращать внимания.

Но, во-вторых, есть и такие сны, которые имеют значение для нас, и на которые надобно обращать внимание. Укажем для примера сон Иосифа одного из двенадцати сыновей патриарха Иакова. Иосифу снилось, что он с братьями жнет в поле пшеницу: сноп Иосифа стоял прямо, а снопы братьев окружили его и поклонились ему. Этот сон точно исполнился: по истечении некоторого времени, Иосиф, проданный братьями в Египет, сделался владыкою Египта и приехавшие в Египет братья его должны были кланяться ему и почитать его. Точно также сбылся и пророческий сон фараона, царя Египетского. Если бы фараон не обратил внимания на этот сон и не сделал бы больших запасов хлеба в урожайные годы для годов неурожайных, то он горько раскаивался бы; жители Египта, а также отец и братья Иосифовы, умерли бы голодной смертью.

И многие из людей, а, может быть и из находящихся среди нас, имеют причину раскаиваться в том, что не обратили внимания на некоторые сны свои. Вот для примера один рассказ. Один беспутный юноша, не слушавший увещаний своих лучших друзей, направлявших его на другую лучшую дорогу, увидел однажды во сне своего отца, который строго повелевал ему оставить беспутную и беззаботную жизнь и жить лучше; но, согласно изречению Иисуса Христа, – «если не слушают закона, то не по послушают и того, кто бы воскрес из мертвых», – юноша не обратил никакого внимания на свой сон. Тогда он снова видит такой же сон: ему снова снится отец, который заявляет сыну, что если он не переменит своей жизни, то в такой то день постигнет его смерть, он предстанет на суд Божий. Юноша рассказал шуточно о сне своем подобным же ему товарищам, и не только не думал об исправлении жизни, но даже как бы хотел посмеяться над угрозой, полученной во сне. Именно на тот же день, в который во сне отец угрожал сыну

смертью, он назначил большую пирушку с товарищами. И что же? Среди винопития внезапно поражает сына апоплексический удар и он чрез несколько минут умирает.

Из приведенных здесь рассказов мы видим, что не все сны обманчивы и пусты, есть сны, которые действительно исполняются в жизни.

Приведем теперь несколько советов о том, как нужно относиться к сновидениям.

Если сны побуждают нас к добру и удерживают от зла, то считайте эти сны перстом Божиим, указывающим вам на небо и отклоняющим вас от дороги к аду. Вот как об этом говорится в одной книге свящ. Писания: «Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает свое наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом (Иов.33:14–18).

«Когда увидишь во сне образ креста, – учит преп. Варсонофий, – знай, что этот сон истинен и от Бога, но постарайся от святых (живущих богоугодно) получить истолкование значения его, а не верь своему помыслу».

Если же вы уверены, или не имеете разумной причины думать, что сон происходит от Бога, в особенности, если сон касается неважных, безразличных предметов, тогда нет надобности обращать внимание на сны и устраивать по ним свои действия; будьте осторожны, дабы, обращая внимание на каждый сон, не сделаться суеверными и не подпасть опасности согрешить.

Если, наконец, сон соблазняет человека на грех, то он есть следствие нашего испорченного, расстроенного воображения, нашей фантазии, или же он происходит от того, от кого да сохранит нас Бог своею благодатию, т.е. от диавола.

(Из книги «Дивные свойства души человека»).

Тричастие человека

Тело, Душа, Дух.

Тричастие Души.

Словесное, раздражительное, вожделевательное.

Душевные три силы.

Разум, память, воля.

Троичность.

Тело, душа, дух.

Плотское, душевное, духовное.

Противуестественное, естественное, вышеестественное.

Безнравственное, благонравственное,
облагодатствованное.

Дом души – тело, дом духа – душа.

Если человек двойствен, т.е. из тела и души, если природа наша состоит не из трех частей, а из двух, то как же приписывается еще и дух, который составляет как бы нечто третье?

Св. Григорий Нисский говорит: надобно знать, что в священном Писании дух человека обыкновенно употребляется двояко: иногда дух употребляется вместо души (как сказано в Евангелии: Отче в руке Твои предаю Дух Мой!), а иногда вместо духовного действия (дух бодр, плоть же немощна).

Священномученик Ириней говорит: человек состоит из троичности: из плоти, души и духа. И какую бы имел Апостол причину молиться о всецелом сохранении в пришествие Господне сей троичности, т. е. тела, души и духа (1Сол.5:23), если б не знал о сохранении и соединении трех, и о едином и том же их спасении. Итак, те совершенны, которые имеют и Духа Божия, пребывающего в них, и душу и тело сохраняют непорочными.

Но выражение: «Духа Божия» не касается троичности человека, потому что человек сам по себе троичен. Дух же Божий пребывает только с достойными, а от грешников не покаявшихся, удаляется.

Составитель.

Св. Иоанн постник писал: примите псалом (говорит Давид) и дадите тимпан, псалтирь с гуслями: дает одно, а трех просит, потому что из трех частей мы составлены (во образ Святой Троицы). Псалтирь есть дух, душа гусли, а тимпан должен быть сделан из кожи мертвой; итак, умертви тело, чтоб в тимпане и лике славить Бога в Троице славимого.

Троичность природы человеческой может быть несколько понятна, если согласиться с мнением преосвящ. Феофана затворника Вышенского, который в одном из многочисленных своих писем (том 1-й, письмо 106) говорит, что человек вначале создан был живым, как и прочие живые существа, то есть с телом и душой, оживляющей тело, а потом Господь вдунул в лицо его дух Свой, который соединился с душой и вместе с ней сделался бессмертным. Но опять и здесь нельзя грубо понимать, что будто и в самом деле Бог прежде создал человека как животное с душой неразумной, а после уже вдунул в него дух Свой. Это все говорится только для того, чтобы мы могли понять, что, в отношении оживления, питания и возрастания тела, человек имеет такую же силу или душу, как и животные; а в отношении разума и бессмертия имеет Богоподобный дух. Касательно же создания человека, как говорит св. Иоанн Дамаскин, нужно понимать, что тело и душа человека созданы одновременно, вместе, и в сие самое мгновение вдунут (как вдунут – это необъяснимо) Богоподобный дух, так что человек сразу явился во всем своем величии – совершенным по душе и телу.

Различие души и духа видно еще из того, что человек, живущий по влечениям чувственной плоти и животной своей силы, иногда ничем не отличается от бессловесных животных, но даже делается хуже их, не зная никаких границ и пределов, тогда как животные не переходят сих границ, довольствуясь лишь необходимым. Таковые люди обыкновенно называются плотскими, душевными. Живущие же по влечениям Богоподобного духа называются духовными.

Итак, правильнее всего понимать, что душа и дух человека не две отдельные сущности, но две стороны одного и того же духа, две части в одном целом. Ибо если допустить, что душа, и

дух отдельные сущности, то нужно признать, что, по смерти человека, они должны существовать отдельно друг от друга, или же низшей части нужно уничтожиться, как это бывает с душой животных; но подобная мысль недопустима, потому что и Священное Писание и все св. Отцы Церкви единогласно говорят о существовании и всецелом сохранении за гробом единой души.

Составитель.

Тричастие души, мыслительное, раздражительное, вожделевательное.

У святого Димитрия Ростовского читаем: человек есть Божие создание, в его же естество три вещества суть насаждены: разумное, похотное и яростное. Разумом доброе и злое понимает; похотью иногда добрые, иногда злые вещи желает; гневом и яростью естественно отмщения обидетелю ищет. А потому – применивый бессловесие на познание и просвещение разума, ярость и гнев претворивый на кротость, сласть и похоть плотскую, бессловесную – на Божественное желание и любовь, – тричастное души во глубине бесстрастия и просвещения разума видевши..., воспекает, духом радуясь Господеви..., а доколе не может быть без скорби.

И долг высокого христианского подвижничества требует всегда возбуждать «раздражительную силу» ко вступлению в брань внутреннюю и к самоосуждению «мыслительную силу» – к строгому и непрерывному трезвению и духовному созерцанию; «вожделевательную силу» – в любовь к Богу и добродетели.

Душа имеет три природные свойства: разум, чтобы различать; сердце, чтобы отвращаться пороков, и волю, чтобы желать добродетели.

Врачующие добродетели:

Милостыня исцеляет раздражительность; пост увядает похоть; молитва очищает ум и направляет его к созерцанию Бога.

«Из всего вышесказанного видно, что человек, созданный по образу и подобию Триипостасного Бога, во всех своих составлениях и способностях носит отпечаток сей Троичности, чего не видно ни в ком ином из всех тварей, а только в одном человеке».

Составитель.

В чем душа подобна Богу¹³

1. Бог троичен в лицах, подобно и душа наша есть трояка в своих силах: она имеет разум, память, волю, которые, хотя суть три различные способности, однако составляют одну душу.

2. Бог Сам в себе есть без всякого сложения, вещества и очертания, подобным образом и душа наша есть сама в себе, не будучи из каких-либо частей сложена, ничего вещественного и никакого очертания¹⁴ не имеет, только зависит от Бога единственно, яко от Него происходящая.

3. Бог есть бессмертен, и душа наша также бессмертна и в том сходствует с Богом, что бессмертно, говорить блаженный Августин.

4. Господь Бог невидим: *Бога никтоже виде нигдеже*, говорит святой Иоанн Богослов (Ин.1:18); невидим потому, что Он есть Дух (Ин.4:24); и душа наша равным образом невидима, потому что и она есть дух, и сим уподобляется Богу.

5. Бог есть на каждом месте, во всем мире управляя и приводя в движение все действия: подобным образом и душа находится во всем нашем теле, которое малым миром называется, во всех частях, жилах и составах оного она есть, и везде присутствует, управляя им и приводя его члены, суставы и кровь в движение.

6. Бог знает все вещи и все, что только быть может, или будет; душа наша также имеет способность рассуждать и понимает неким образом нескончаемость свою, чем, по учению св. Иоанна Дамаскина, и уподобляется Богу.

7. Бог имеет полную во всем волю: и душе нашей Он благоволил дать полную же над собою волю, так что она свободна!

8. Бог владеет всем миром и всею природою: и человеку благоволил дать полную власть над всеми живущими на земле, да обладает рыбами морскими, и птицами небесными (и зверьми), и скотами и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли (Быт.1:26).

9. Бог всемогущ; человек же, хотя не все, однако очень много может; и предоставляет неким образом в себе сию Божественную силу, от которой он могущество свое заимствует, имея способность производить такие действия, которых прочие животные не только сделать не могут, но и понять не в состоянии.

10. Бог Сам в Себе блажен есть: и душа наша предназначена Богом для вечного с Ним блаженства, если только она сама сего восхощет и не удалится от Него греховными делами своими.

Вси удаляющиеся от Бога погибнут (Пс.72:27); погибнут не в смысле совершенного уничтожения, но в смысле лишения вечного блаженства и наследования вечной муки.

Душа и дух человека, и их взаимодействие

Душа – существо духовное – не есть проявление другой какой силы, как радуга, а есть самостоятельная, особая личность, свободно-разумная, нормальное состояние которой есть жизнь в общении с Богом, почтившим ее в сотворении образом Своим.

В человеке надо различать душу и дух. Дух содержит чувство Божества – совесть и ничем неудовлетворимость. Он есть та сила, которая вдохнута в лице человека при сотворении. Душа – низшая сила, или часть той же силы, назначенной на ведение дел земной жизни. Она такая сила, как душа животных, но возвышенная ради сочетания с нею духа. Дух из Бога, сочетавшись с душой животных, возвел ее на степень души человеческой. И стал человек двояк: одно тянет горе, другое – долу. Когда человек в своем чине держится, то он живет духом, то есть страхом Божиим водится, и совесть слушает и горнего ищет. А когда он поддается влечениям души дольней, то выходит из своего чина, и то, чего хочет дух, думает достать среди тварей. Это ему не удастся, и он томится, и крушится. Дух тут, как пленник в узах, – находится в услужении у варваров, страстей похотных. Сам он не удовлетворяется, и страсти делает неудовлетворяемыми, сообщая им безграничный разлив. Отчего животные потребности у животных все в своей мере, а у человека, когда он предается чувственности, чувственные потребности предела и меры не имеют? Эту безмерность сообщает им дух, попавшийся в плен к ним; а дух сей безмерностью чает затушить свою жажду бесконечного, по образу коего создан, и в коем едином благо его.

Так вот видите, что и животные у нас отправления есть, и в самом их движении проявляется нечто совсем животным несвойственное. О чем ни стать рассуждать – всегда придешь к тому заключению, что человек обладает духом, которого истинная жизнь есть жизнь в Боге. Там только он находит покой, там его рай и обетованная земля.

Сборник писем Еп. Феофана, том 1-й, письмо 140.

Образ и подобие

*Образ есмь неизреченная Твоя
славы, аще и язвы ношу прегрешений.*

Человек есть малый мир, состоящий из одних и тех же со вселенною стихий. Но что важного в этом – почитать человека образом и подобием мира?.. В чем же по церковному учению состоит человеческое величие? Не в подобии тварному миру, но в том, чтоб быть по образу естества Сотворшего... Божие слово, в кратком изречении соединив все блага, обозначило их, сказав, что человек создан по образу Божию... Одним из числа всего необходимо есть сие – быть свободным, иметь самовластную решимость, потому что добродетель есть нечто добровольное. Всем людям дарован ум, все имеют способность размышлять, наперед обдумывать; и все прочее, чем изображается Божественное естество в созданном по образу его.

Одинаково имеет сие – и человек при первом устройении мира, и тот, который будет при окончании вселенной: они равно носят в себе образ Божий. Итак, образ Божий и подобие не в теле человеческом образуется, но в душе. Бог есть Дух бесплотен, и душу человеческую создал бесплотну, Себе подобну: самовластну, разумну, бессмертну, вечности общницу, и сопряженную плоти.

Однако ж – образ и подобие Создателя Бога – душа человеческая разумная аще и во всех человеках, кождо свою душу имущих, есть едино... обаче не во всех одинаково то образа Божия подобие собою дается. Елицы многими грехами себе окаляша, в тех образ Божий помрачен... и подобие..., разнствует премного от подобия Божия. Елицы же добрыми делы Господу Богу своему благоподобитися и благоугодити тщатся, в тех душевный образ есть светел... и подобен Создателю своему. Елико кто множае в Богоугождении трудится, толико светлейший в том образ Божий и подобнейшее Богови подобие является.

*Итак: Образ есмь неизреченная Твоя славы,
Аще и язвы ношу прегрешений.*

Если кто желает изучить, как человек по образу Божию сотворен (говорить св. Григорий Нисский), тот должен рассмотреть состав разумной души своей, должен тщательно, порознь и подробно исследовать все части ее, равно и части частей, причины, способы, постепенное развитие, соединения и разности, ее однообразное состояние и тричастное разделение: каким образом она и одна и усматривается в троичности по образу Божию, – единство в троичности и троичность в единстве.

1. Словесноразумная сила, частные способности ее

Св. Антоний Великий говорит, что пять чувств прикосновенны разума; есть пять чувств телесных и пять душевных.

Чувства телесные:

Зрение, слух, обоняние, вкус, осязание.

Чувства душевные:

Ум, разум, воображение, мнение, чувствование.

Ум, разум, мысль ума, рассуждение, сердечная бодрость.

Ум, способность мышления, чувственное представление, мнение, ощущение.

Ум, смысл, мечтание, мнение, чувство.

Ум, слово (суд), чувство ума, мнение, вежливость.

Смиренный Никита Стифат говорит: тот, который действия внешних чувств к внутренним чувствам приложил, т. е. зрение – к уму, зрящему свет живота простой, слух – к разуму души, вкус к рассуждению словесе, обоняние – к мысли ума, осязание к сердечной придвигнувший бодрости – Ангельскую жизнь на земли совершает.

Далее по исчислении пяти душевных чувств св. Иоанн Дамаскин замечает: от ощущения происходит в душе впечатление, которое называется представлением; от представления рождается мнение; потом сила мышления, рассудив о мнении, истинно ли оно или ложно, изрекает свой суд об истинном. Наконец то, что рассуждено и определено, как истинное, называется умом.

По другому разумению первое движение ума называется мышлением. Мышление об известном предмете именуется мыслью. Когда мысль останавливается на одном, и оставляет в душе отпечаток мыслимого, то сие действие называется вниканием (от слова вникнуть, углубиться в предмет мыслимого).

Далее, когда вникание, остановившись на одном и том же, испытывает и поверяет себя и рассматривает сообразность

души с мыслимым предметом, оно именуется соображением. Расширенное соображение составляет умствование, которое называется также внутренним словом. А внутреннее слово определяют так: оно есть полнейшее движение души, происходящее в разумной ее способности, без всякого выражения устного. Из сего то внутреннего слова происходит слово внешнее, изрекаемое посредством языка.

2. Раздражительная сила, виды деятельности ее

Гнев есть действование способности раздражительной, хотя он же есть страдательное состояние двух частей: первая: зависть, ненависть, вражда, злословие, злоумышление, сварливое и мстительное расположение, и на долгое время простирающееся памятозлобие; а вторая: доброе действие силы раздражительной, ненавидение зла, брань против страстей, укрепление души в мужестве, дабы подвизающийся за веру и добродетель не устрасался кажущегося страшным для многих. В таком случае душевная сила раздражения не уклоняется от благого употребления негодования.

3. Вожделевательная сила, способности ее

Существо самостоятельное, стремясь к свойственному ему естественному и полному проявлению своей сущности, желает существовать, жить и двигаться согласно с умом и чувством; отсюда в желательной силе души нашей – желания чувственные, но естественные.

В неразумных животных вслед за пожеланием чего-нибудь тотчас бывает и стремление к действию; потому что пожелание в них неразумно, а они водятся пожеланием естественным. Посему пожелания бессловесных животных не называются ни волей, ни хотением; ибо воля есть естественное желание, разумное и свободное. А в людях, как существах разумных, естественное желание не столько управляет, сколько само управляется. Ибо, так как в человеке и познавательные и относящиеся к жизни способности состоят в связи, то он и приводит себя в движение свободно, и ищет свободно, и испытывает и исследует свободно, и советуется сам с собой свободно, и избирает свободно, и стремится к делу свободно, и делает все, что согласно с природой – свободно. Св. Иоанн Дамаскин.

По свидетельству св. Евагрия, разумная душа тогда только действует согласно со своей природой, когда желательная ее часть стремится к добродетели, а раздражительная подвизается за нее, то есть помогает ей; разумная же предается созерцанию сотворенного.

«Таким образом добродетельное направление силы вожделения есть устремление желания к существенно-вожделенному», то есть к деланию добродетелей, которые доставляют душе отраду и утешение.

«Душа сотворена свободною, посему может как преклоняться на доброе, так и отвращаться от доброго. Наша природа, как весы..., нередко склоняется к лукавому, а нередко и к доброму; ибо душа то преклоняется в страсти, то опять увлекается разумом к лучшему».

Нужно заметить, говорит св. Иоанн Дамаскин, что иное есть воля, иное – хотение, иное – предмет воли, иное – лицо, могущее хотеть, и иное – хотящий. Воля есть простая способность хотеть. Хотение есть воля, устремленная к известному предмету. Предмет хотения есть та самая вещь, к которой устремлена воля, или то, чего мы хотим. Так, например, в нас возбуждается желание пищи: само по себе оно есть просто желание; но когда определяется разумом, тогда называется волею. Могущим хотеть называется тот, кто имеет способность воли, как, например, человек; а хотящим тот, кто волю обнаруживает в действительном употреблении.

Должно знать и то, что слово воля иногда означает способность хотения или воли, и тогда под оным разумеется воля прирожденная; а иногда означает предмет воли, и тогда под оным разумеется воля совещательная.

О страстях

Все св. Отцы говорят, что всякая страсть рождается от сих трех причин: от славолюбия, сребролюбия и сластолюбия. Действительно, от уклонения и греховного движения способности вожделения происходит: сребролюбие, славолубие, сластолюбие и все сим подобные пороки, которые имеют началом сей род зла.

По изъяснению св. Григория Синаита, страсти имеют различные наименования. Разделяются же они на телесные и душевные.

Страсти телесные: блуд, прелюбодеяние, нечистота, распутство, обида, пресыщение, беспечность, суетность, щегольство, привязанность к жизни и проч.

Страсти душевные так же разделяются на страсти: раздражительной, вожделевательной и мыслящей способности.

Страсти мыслительной силы: неверие, хула, злость, коварство, любопытство, двоедушие, злословие, клевета, осуждение, презрение, насмешка, лицемерие, ложь, сквернословие, пустословие, лесть, притворство, хвастовство, человекоугодие, превозношение, клятвопреступление, празднословие и проч.

Страсти раздражительной части:

Гнев, досада, крик, вспыльчивость, дерзость, наглость и проч.

Страсти вожделевательной части:

Любостяжание, необузданность, неумеренность, жадность, сластолюбие, сребролюбие, и жесточайшее из всех самолюбие.

Страсти ума:

Надменность, высокомерие, кичливость, самонадеянность, тщеславие, вражда, зависть, самоугодие, прекословие, непослушание, мечтание, вымыслы, чванство, славолубие, гордость – первое и последнее из всех зол.

Страсти рассудка: рассеяние, легкомыслие, раболепство, помрачение, ослепление, увлечение, внушение, уступчивость, преклонность, сговорчивость, опрометчивость и сим подобная...

Ино суть страсти плотские, ино же душевные. Плотские страсти содержатся в чувствах плотских видимо, якоже – сластолюбие, похоть, леность и прочая чувствам угодная и желательная.

Душевные же страсти содержатся в невидимом и неведомом сердце, якоже – гнев, ярость, злоба, памятозлобие, братоненавидение и прочая тем подобная, в сердце помыслами содержаемая и на явь иногда исходящая.

Семя перечисленных страстей есть в каждом человеке; но семя сие может и остаться семенем, никогда не произрастая. Проращивание и воскормление их зависит от воли человека. Если он начнет согревать это семя своим расположением и питать их худыми наклонностями, то семя сие может прорасти и возрасти в целый полк лютейших тиранов, которых тогда ничем удовлетворить невозможно, потому что, чем более будешь их удовлетворять, тем сильнее они возрастут и лютее начнут тиранить своего питателя. Посему то и Спаситель сказал, что всякий творящий грех, раб есть греха ([Ин.8:34](#)).

Вот с сими то домашними нашими врагами предстоит нам лютейшая брань в продолжение всей жизни. И если победа останется на нашей стороне, то благо нам; если же в конце концов останемся мы побежденными, то горе нам; ибо тогда участь наша будет самая печальная. Составитель.

Падение и омрачение души

Человек, поработанный страстями, утрачивает данную ему от Бога свободу воли так, что он ничего уже не может творить с рассуждением по своему личному убеждению, но исполняет только то, на что влекут его страсти и злые греховные обычаи. Вместе с сим он омрачает в себе образ Божий, делается врагом Божиим и другом диавола, с которым в будущем веке наследует вечную пагубу, если не покается и не исправит жизни своей еще в сей жизни.

Составитель.

«Св. Макарий Великий говорит, что в нас действует зло со всею силою и ощутительностью, внушая нам нечистые пожелания, однако ж (оно) срастворено с нами не так, как иные говорят сие о смешении вина с водою, но как на одном поле растут и пшеница сама по себе и плевелы сами по себе, или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома».

«Когда светит солнце и дует ветер, то у солнца свое тело и своя природа, и у ветра своя же природа и свое тело. Так и грех примешался в душе; но и у греха и у души своя особая природа».

«В иное время душа действует по влечению страстей и внушению диавола, в иное же время самостоятельная душа действует сама по себе, и раскаивается в своих поступках, плачет, молится и приводит себе на память Бога. А если бы душа всегда погрязала во зле, то как могла бы делать это? Потому что сатана, будучи жестокосерд, никак не хочет, чтобы люди обращались к покаянию».

Итак, человек всегда имеет власть и силу исправить жизнь свою, если только пожелает.

О свободе

Ты создан по образу и по подобию Божию, говорит св. Макарий Великий: потому что как Бог свободен и творит, еже хочет, так свободен и ты...

Человек есть образ Божий по свободе и по праву владычества... Человек, хотя облечен плотию и кожей, но воззри на благородство разумной, бессмертной души; смотри на образование человека и подивись сему животному. Одно только оно из всего сотворенного не подвержено закону необходимости; одного только человека сотворил Бог господином своей воли. Или не видишь, что солнце совершает течение свое по предписанным законам, и что обращение его всегда одинаково; а почему? Потому что оно не имеет своей воли, тогда как ты располагаешь собой произвольно, делаешь, что хочешь, не знаешь принуждения, которое насильно влекло бы тебя, будучи свободным в душе. Солнце повинуетя необходимости, а человек имеет свободную волю. Действуя на свободу нашу, благодать Божия и добро делать не принуждает нас и зло делать попускает нам.

Св. Антоний Великий говорит: «Если хочешь, можешь быть рабом страстей и, если хочешь, можешь остаться свободным, не подклоняясь под иго страстей: ибо Бог создал тебя самовластным. Побеждающий страсти плотские (и душевные) венчается нетлением. Если б не было страстей, не было бы и добродетелей, ни венцов, даруемых от Бога людям достойным».

О спасении нашем

Вопрос: В чем состоит спасение наше (св. Димитр. Ростовск.)?

Ответ: В сердце и в Бозе: в сердце произволяющем, начинающем, к Богу обращающемся, а в Бозе: помоществующем, содействующем и в конец добрый производящем... Спасает человека: Благодать Божия, содействующая произволению человеческого, и произволение человеческое, содействующее благодати Божией. Господь готов спасти нас, но только ожидает горячего, по мере сил наших, стремления к Нему воли нашей, и Сам производит в нас благую от произволения веру и усердие, и всякое преуспеяние.

Благодать – говорит Марк подвижник: не престаёт вспомоществовать нам тайно; но в нашей власти состоит по силе делать добро, или не делать. Хотя волю нашу в добрую сторону направляет и ей вспомоществует благодать Божия, но, чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, заставляя нас желать помощи ее, и подает дары свои всегда вследствие наших усилий. Хотя младенец – замечает св. Макарий Великий: ничего не способен делать, или не может на своих ногах идти к матери своей, однако же, ища матери своей, движется, кричит, плачет, и мать сжаливается над ним: она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее; а так как младенец не может прийти к ней, то сама мать преодолевается любовью к младенцу за долгое искание его, подходит к нему и с великой нежностью берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Господь Бог с душой, которая приходит и взыскует Его.

Бог дал нам власть избирать доброе или худое, хочет, чтобы мы были свободно добры; посему, если мы не хотим, Он не приневоливает нас и не принуждает; ибо быть по принуждению добрым, не значить быть добрым: принужденно никто не может быть добрым.

Таким образом, изменяемость нашей природы приносит нам величайшую пользу; ибо от нее зависит преуспеяние в

добродетелях, непрерывное изменение к лучшему. Она приближает к Божеству того, в ком совершается сие счастливое изменение. Изменяемость нашей природы служит нам как бы крыльями в стремлении к высшему..., и для нас было бы несчастье, если бы мы не были способны к изменению к лучшему.

Итак, человек, видя в природе своей склонность к изменению, не сетуй; но, беспрестанно изменяясь в лучшее, и преобразуясь от славы в славу, изменяйся каждую минуту, становясь лучшим чрез ежедневное возрастание; всегда усовершаясь, и никогда не достигая конца совершенства. Ибо в том и состоит истинное совершенство, чтобы, возрастая и усовершаясь, никогда не останавливаться в сем возрастании и не находить предела усовершенствованию, как сказал Сам Христос: «Будьте совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф.5:48). А сего совершенства достигнуть нелегко, и всей вечности для сего недостаточно; да в строгом смысле слова это и невозможно, потому что ни в святости, ни в совершенстве никто сравниться с Богом не может. Повелено же сие нам для того, чтобы мы, помышляя святость и совершенства Божии, старались всем усердием и сами совершенствоваться в добродетелях, задняя забывая, в предняя же простираясь, как сказал Апостол, и чтобы не подумали, будто можно достигнуть такой степени святости, выше которой нельзя уже идти.

Составитель.

Порывы души к небу

Было время, когда в мире духовном царствовала одна лишь гармония святости и красоты, но впоследствии гордость падшего ангела внесла в него зло и безобразие; было время, когда и в мире вещественном были стройность, порядок и красота, но человек, владелец земли, потеряв свою невинность перед Богом, сделался причастным злу и разрушению и это зло и разрушение внес и в вещественный мир.

Итак, причиной зла и разрушения в вещественном мире был человек. В момент грехопадения он уже проникся грехом и потому не мог больше оставаться в раю – месте святости и красоты, из которого и был изгнан. Но грех, возобладав человеком, не в состоянии был изгладить в нем следов прежнего благородства, не мог заглушить в нем тоски по утерянном рае, и эти драгоценные следы, эта тоска, передаваясь из рода в род, служат и до настоящих дней людям путеводными звездами к возвращенному им Богочеловеком блаженному раю.

Ничто не может изгладить в человеке стремления к чему то светлому, превосходному и бесконечному. Кто не испытал в своей жизни того чувства, что, при полном, по видимому, земном счастье и благоденствии, ему все таки чего то не缺ает? Без сомнения, оно знакомо всем; оно, обыкновенно, проявляется в душе неясно и выражается в ней неопределенной грустью и тоской.

Что ж это за чувство такое и о чем оно напоминает человеку? Это чувство составляется из всех лучших порывов его души, которые ему врождены и служат главным его отличием от неразумных тварей. Это чувство напоминает человеку о другой жизни, высшей и совершеннейшей, которой собственно и жаждет его душа. Будучи созданной по образу и по подобию Божию, она тяготеет к своему Первообразу, как дитя к своей матери, и потому твердо верит в будущую жизнь: она величественна, как частица бесконечного ее Создателя, и потому ее ничто не удовлетворяет вне Божественного.

По своей неопытности душа иногда желает земных благ: богатства, славы и проч., надеясь в них, а не в Боге, найти полное удовлетворение своим желаниям; но едва достигает их, как уже сознает себя опять несчастной и ничем не удовлетворенной. Такова беспокойная душа человека. Но едва ли ее можно упрекать за то, что она слишком разборчива в вещах, не соответствующих ее природным требованиям; нет, это доказывает только ее величие. Узнав по опыту всю ничтожность земных благ, она уже не придает им большого значения, ибо, если человек признает себя выше и совершенней чего-либо, то он уже не станет преклоняться пред ним и помогать ему.

Душа человека стремится к небу, потому что для нее такое стремление естественно; но ее земное тело мешает ей, удерживая в своих цепях и привлекая к земле. Оно является для души не только тормозом в ее стремлении, но и ее врагом; оно своими страстями искажает прекрасный лик души и часто топчет в грязь ее нежные и светлые чувства, которые ему ненавистны; оно всеми силами своей падшей природы противится ее духовному трезвлению и увлекает ее в водоворот греха.

Но, кроме тела, у души есть еще и сторонние враги – нечистые духи. Они воюют против нее заодно с ее собственным телом и нередко побеждают ее. Побежденная ими, она уже не может свободно думать о Боге, о небе, о христианской жизни, ибо она уже поработана врагами, которые распоряжаются ею по своему усмотрению. Однако, бывают в жизни человека и такие моменты, в которые его душа ощущает в себе раскаяние и умиление; тогда в ней возникают вдруг святые и мощные порывы к небу и, разрывая вокруг нее сети греха, увлекают ее вновь в ее родную стихию – светлый духовный мир, научая ее в то же время презирать свое тело и его прихоти. Многих грешников возвели эти порывы на величайшую высоту духовного совершенства и святости; многих они произвели в сверхчеловеки по великим и чудным дарам благодати свыше. Раскроем Четьи-Минеи, патерики, летописи и мы найдем там подтверждение всего сказанного; прочтем жизнеописания

преподобной Марии Египетской, ходившей по воде, как по суше, преп. Евдокии, вознесенной по смерти сонмами ангелов к престолу Божию, и многих других, и мы увидим всю необыкновенную силу и важность этих возвышенных порывов.

Один мой товарищ, который был со мною одних убеждений, при разговоре об этом так передавал мне действие святых порывов в человеке.

«Иногда, – говорил он, – погружаясь внутрь себя, видишь там одну беспросветную тьму, в которой находится душа. Ни одного луча с неба! Ни малейшего отблеска с высоты! Вдруг появляется откуда то светлая, блестящая точка, разгоняющая на своем пути мрак и приближающаяся к тебе. Ты очарован, ты восхищен ее красотой, ты желал бы хоть на мгновение задержать ее полет... Но вот она увеличивается пред тобою и, ставши как бы светлым облачком, окутывает тебя им, сгущаясь под твоими ногами, и ты уже чувствуешь, как с быстротою мысли возносишься этим облачком в высоту. Чрез миг твои взоры начинают уже улавливать свет иного мира, к которому ты раньше стремился, но тщетно».

Да, наше стремление к другому лучшему миру бывает тщетным, когда мы боимся всецело отдаться святым порывам души. Мы боимся..., потому что нам тогда пришлось бы отвергнуть себя и жить по Евангелию, по совести. А без Евангелия как можно и стремиться к этому миру? Немыслимо... и мы погружаемся в безрадостную тьму житейских мелочей.

Страшно и грустно! Страшно потому, что мы рискуем умереть во мраке наших страстей и погибнуть; грустно потому, что мы добровольно ослепляем себе глаза, дабы не видеть истин, которые нас могли бы спасти. Нас губит боязнь самоотвержения во имя Евангелия; без лени, холодности и рассеянности мы не можем совершить ни одного доброго дела; мы боимся и на шаг отступить от своего самоугождения. Не потому ли теперь все вольно мыслящие и вольноживущие люди так смело и беззастенчиво поносят святыню и глумятся над христианством, что у них недостает духа жить по Евангелию? Они сознают, что кощунствуют, однако, стараются уверить себя, что все это пройдет для них безнаказанно. Жалкое

самообольщение! Конечно, можно закрывать глаза и в виду бездонной пропасти, если от того чувствуется приятно и спокойно; но какое будет разочарование в спокойствии, когда придется упасть в эту пропасть!

Нет, не предадим свою бессмертную душу в жертву страстному телу, не допустим бессилия пред духовными врагами и не решимся променять, по примеру евангельского богача, добрую вечность на доброе время! Не будем пренебрегать душой и ее святыми порывами к небу, которые в состоянии возратить нас в некогда утерянный рай! (Рус. Пал.)

А. Бибилов.

Семь степеней душевной силы Блаженного Августина

Сила души создает семь степеней могущества ее – в теле, в ней самой и пред Богом.

1-я степень душевной силы.

Душа, как это легко видеть всякому, животворит своим присутствием это земное и смертное тело, собирает его в одно и содержит в единстве, не позволяя ему распадаться и истощаться; распределяет питание равномерно по членам, отдавая каждому из них свое, сохраняет его стройность и соразмерность не только в том, что касается красоты, но и в том, что касается роста и рождения.

2-я степень душевной силы.

Взойди поэтому на другую ступень и посмотри, какую силою располагает душа в чувствах, где жизнь проявляется очевиднее и яснее, – душа простирается в ощущение, и в нем чувствует и различает теплое и холодное, шероховатое и гладкое, твердое и мягкое, легкое и тяжелое; затем, вкушая, обоняя, слушая, видя, она различает бесчисленные особенности вкусов, запахов, звуков, форм. И во всем этом она принимает и стремится к тому, что соответствует природе ее тела, а что противоположно этой природе, то отвергает и того убегает. В известный промежуток времени – во время сна, она отвлекается от этих чувств, перебирает сама про себя целыми рядами и на различные манеры образы вещей, которые чрез них (т. е. чрез чувства телесные) получила; все это и составляет собою сон и сновидения, исключая из сего только некоторые сновидения, бывающие по Божью промыслу и по действию бесовскому.

Составитель.

В бодрствовании же силою привычки привязывается к вещам, чрез среду которых проводит тело, и отрывается от них будто от членов с болью; эта сила привычки, не разрываемая самую разлукою с вещами и промежутком времени, называется памятью.

3-я степень душевной силы.

Итак, поднимись на третью ступень, которая составляет уже собственность человека, и представь эту память бесчисленных вещей, не приросших силою привычки, а взятых на сохранение и удержанных наблюдательностью; эти разные роды искусств, возделывания полей, постройки городов, многообразные чудеса разнообразных сооружений и великих предприятий; изобретение стольких знаков, в словах, в телодвижениях, в звуке всякого рода, в живописи и ваянии; столько языков у народов, столько учреждений, то новых, то восстановленных; такую массу книг и всякого рода памятников для сохранения памяти и такую заботливость о потомстве; эти ряды должностей, властей, честей и санов, в быту ли то семейном, или в государственном, внутреннем и военно-служебном, в светском ли то, или в священном культе; эту силу соображения и вымысла, потоки красноречия, разнообразие поэтических произведений. тысячи видов подражания, искусство музыкальное, точность измерений, науку вычислений, разгадку прошедшего и будущего на основании настоящего. Велико все это и вполне человеческое. Но все это богатство еще обще с одной стороны – душам ученым и неученым, с другой – добрым и злым.

4-я степень душевной силы.

Подними поэтому глаза выше и вспрыгни на четвертую ступень, с которой начинается доброта и все то, что действительно заслуживает похвалы. Начиная с этой ступени, душа осмеливается предпочитать себя не только своему, хотя и составляющему некоторую часть мирового, но самому мировому телу, и не считать его блага своими благами, а, по сравнении с собственным могуществом и красотой, отделять и презирать их; и затем, чем более любит себя, тем более удаляется от нечистот, очищает себя от всякого пятна и старается всячески о возможной красоте своей и убранстве; борется против всего, что становится ей на пути, чтобы отклонить ее от ее предположений и намерений – высоко ценит общество человеческое и не желает другому ничего такого, чего

не хочет себе; повинуется авторитету и заповедям мудрых и верит, что чрез них говорит ей Бог.

Этому светлому стремлению души присущ еще труд и великое и весьма тягостное столкновение с скорбями и прелестями этого мира; ибо с самым делом очищения соединяется страх смерти, часто не великий, но часто весьма сильный.

Не велик он бывает тогда, когда в простоте сердца верится (видеть же, действительно ли оно так, можно душе только вполне очистившейся), что все управляется Божественным провидением и правдою так, что смерть не может несправедливо прилучиться никому, хотя бы ее нанес человек несправедливый. Но боязнь смерти становится сильною и на этой уже степени, когда дело очищения тем менее представляется прочным, чем заботливее о нем стараются; и кажется меньшим от того самого, что по причине страха уменьшается спокойствие, крайне необходимое для исследования вещей таинственнейших. Затем, чем более душа, в силу самого успеха своего, чувствует, как велико различие между нею чистою и оскверненною (т. е. какова она есть на деле, и каковою должна быть в отношении к сказанному в Евангелии: *«будьте совершенны, яко же Отец Ваш небесный совершен есть»*¹⁵, тем более опасается, что, когда она сложит это бренное тело. Бог ее оскверненную может потерпеть еще менее, чем терпит она сама. А нет ничего труднее, как бояться смерти, и в то же время воздерживаться от прелестей этого мира, как требуют того самые опасности. Но такова сила души, что она может успевать в этом при помощи правды высочайшего и истинного Бога, которою весь мир поддерживается и управляется, которая делает и то, что не только все существует, но и так существует, что существовать решительно лучше не может. Этой правде с великим благочестием и твердою надеждою она и вверяет себя в столь трудном деле своего очищения, чтобы она помогла ей и усовершила ее.

5-я степень душевной силы.

Когда это совершится, т. е. когда душа будет свободна от всякого тления и омыта от скверн, тогда наконец она чувствует себя исполненной высочайшей радости, нисколько не боится за себя, не испытывает никакой тревоги за свое положение. Это составляет пятую степень. Ибо иное – добиваться чистоты, а иное – иметь ее; и иное совершенно дело – очищать себя оскверненную, и иное – не позволять себе снова оскверниться. На этой степени душа чувствует свою силу во всех отношениях; а когда почувствует это, тогда с некоторой великой невероятной самоуверенностью устремляется к Богу, т. е. к самому созерцанию истины, и это составляет высочайшую и таинственнейшую награду, ради которой столько понесено труда.

6-я степень душевной силы.

Но это действие, т. е. стремление души к уразумению того, что существует истинным и высочайшим образом, представляет собой высшее созерцательное душевное состояние. Совершеннее, лучше и нормальнее его нет для души. Эта степень состояния будет поэтому шестой. Ибо иное дело очищать самый глаз души, чтобы он не смотрел напрасно и бесцельно, и не видел превратно; иное – обращать ясный и прямой взор на то, что подлежит рассмотрению. Те, которые хотят делать последнее прежде, чем будет очищение, и получать исцеление, до такой степени болезненно поражаются этим светом Истины, что не только не находят в нем ничего доброго, но даже, напротив, находят в нем весьма много дурного, отказывают ему в названии истины, и с некоторым сладострастием и жалким наслаждением, проклиная врачество, погружаются в свой мрак, который болезнь их может выносить. Потому то, по Божественному вдохновению и вполне правильно, говорит пророк: *«сердце чисто созижди во мне Боже, и дух прав обнови во утробе моей»*. Дух правый, по моему мнению, делает то, что душа в изыскании истины не может уклоняться от прямого пути и заблуждаться. А такой дух не обновится в ней прежде, чем сердце не будет чистым, т. е. прежде чем самое помышление не устранился от всякого пожелания и всякой нечистоты вещей смертных.

7-я степень душевной силы.

А что скажу я тебе об этих радостях, об этом наслаждении высочайшим истинным благом, о тихом мерцании света и вечности, присущих этому видению и созерцанию истины, которое составляет седьмую и последнюю степень души, да даже и не степень, а некоторое постоянное пребывание, в которое восходят теми степенями?.. Об этом сказали, насколько сочли нужным сказать, некоторые несравненные души, о которых мы думаем, что они видели и видят это. Я же с своей стороны с полной уверенностью скажу тебе одно: если мы будем с полным постоянством держаться того направления, которое предписывает нам Бог, и которого мы решились держаться, то мы достигнем при помощи силы и мудрости Божественной той Высочайшей причины, или Высочайшего виновника бытия, или Высочайшего начала всех вещей, постигнув которую (хотя Божества в сущности никто постичь не может), мы действительно увидим, что все под солнцем – суета суетствующих. Суета есть ложь, а под суетствующими разумеются или обманутые, или обманывающие, или те и другие вместе. Но вместе с тем мы будем в состоянии распознать, какое различие между этим (то есть видимыми, тленными благами) и тем, что существует истинно (т. е. благами невидимыми, вечными, нетленными).

Тогда познаем, как истинно то, чему повелено нам веровать; как прекрасно и в высшей степени спасительно мы были воспитываемы Матерью Церковью: как велика была польза того млека, о котором Апостол Павел сказал, что он дал его в питье младенцам. Принимать эту пищу, когда кто кормится матерью, в высшей степени полезно, но принимать, когда кто вырос уже, стыдно; отвергать же ее, когда она нужна, – достойно сожаления; порицать же ее когда бы то ни было, или ненавидеть – злодейство и нечестие. А готовить и надлежащим образом раздавать ее – дело в высшей степени похвальное и полное любви.

И в этой телесной природе, как скоро она повинуется законам Божественным, увидим такие смены и чередования, что самое воскресение плоти (которому частью верят с

большим трудом, частью же совсем не верят) признаем за несомненное до такой степени, что для нас не будет вернее восход солнца после заката.

При этом в созерцании истины, насколько каждый в состоянии созерцать, такое наслаждение, такая чистота, такая неподдельность, такая несомненная достоверность, что каждый полагает, что кроме этого он никогда ничего не знал, хотя и казался самому себе знающим; и так как душа не встречает препятствий к тому, чтобы отдаться истине всецело, то смерть, которой она прежде боялась, обратится в предмет желания как высочайший дар по слову Апостола: *«желание имею разрешиться и со Христом быти»*.

Светлое, первобытное и воссозданное Христом состояние души человеческой, в которой Сам Бог почивает и она в Бозе

Св. Макария Великого.

Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душой. Бог сотворил разные твари; сотворил небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносные, всякие роды животных. Но ни в одной из сих тварей не почивает Господь. Всякая тварь во власти Его; однако же не утвердил он в них престола, не установил с ними общения; благоволил же о едином человеке, с ним вступил в общение и в нем почивает. Видишь ли в этом сродство Бога с человеком и человека с Богом.

Как небо и землю сотворил Бог для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселяться и упокоиваться в теле его, как в доме Своем, имея прекрасною невестою возлюбленную душу, сотворенную по образу Его. Почему Апостол говорит: *«Его же дом мы есмы»* (Евр.3:6).

Посему душа смысленная и благоразумная, обошедши все создания, нигде не находит себе упокоения, как только в Едином Господе. И Господь ни к кому не благоволит, как только к единому человеку. О сем так говорит псалмопевец: *«возжада душа моя к Богу крепкому, живому, когда прииду и явлюся лицу Божию»* (Пс.41:3). Таковою жаждою Богообщения должна быть объята всякая душа, истинно любящая Господа; а кто сей жажды не ощущает в себе, тот не сподобится того Божественного насыщения, о чем Сам Христос сказал: *«Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся»* (Мф.5:6).

Составитель.

Душа – дело великое и чудное. При создании ее, такую сотворил ее Бог, что в естество ее не было вложено порока, напротив того, сотворил ее по образу добродетели духа, вложил в нее законы добродетелей, рассудительность, ведение,

благоразумие, веру, любовь и прочие добродетели, по образу духа.

Он вложил в нее разумение, волю, владычественный ум, воцарил в ней и иную великую утонченность, сделал ее удободвижною, легкокрылою, неустомимою, даровал ей приходить и уходить в одно мгновение и мыслию служить Ему, когда хочет дух. Одним словом, создал ее такою, чтоб соделаться ей невестою и сообщницею Его, чтоб и Ему быть в единении с нею, и ей быть с Ним в единый дух, как сказано: *«прилепляйся Господеви един дух есть с Господем»* (1Кор.6:17).

Как муж тщательно собирает в дом свой всякие блага, так и Господь в доме Своем – душе и теле – собирает и полагает небесное, духовное богатство.

Состояние души облагодатствованной

Когда душа прилепляется ко Господу, и Господь, милуя и любя ее, приходит и прилепляется к ней, и разумение ее непрестанно уже пребывает в благодати Господней, тогда душа и Господь делаются единый дух, единое срастворение, единый ум. Тело души остается поверженным на земле, а ум ее всецело жительствоует в небесном Иерусалиме, восходя до третьего неба, прилепляясь ко Господу и там служа ему.

И Сам Сидящий в небесном граде, на престоле величества на высоких, весь пребывает с душою в теле ее, потому что образ ее положил Он горе в небесном граде святых – Иерусалиме, а собственный образ неизреченного света Божества Своего положил в теле ее; Он служит ей в граде тела, и она служит Ему во граде небесном. Душа соделалась наследницею Его в небесах, а Он принял ее в наследие на земле. Ибо Господь делается наследием души, и душа наследием Господа.

Как солнце везде себе подобно: нет у него ни одной последней или недостающей части, но, состоя из частей одинаковых, все оно всецело блистает светом, и все есть свет, или как огонь, т. е. Самый свет огня, весь сам себе подобен и не имеет в себе первого, или последнего, или большего, или меньшего: так и душа, совершенно осиянная неизреченною красотою славы света от лица Христова и совершенно вступившая в общение с Духом Святым и сподобившаяся стать жилищем и Престолом Божиим, делается вся оком, вся светом, вся лицом, вся славою, вся духом, как уготовал, благоустроил и украсил ее духовною лепотою Христос, Который и носит, и водит, и подымлет ее.

Но прийти в такую меру возможно душе не вдруг и не без испытаний. Напротив того, многими трудами и подвигами, с продолжением времени, при рачительности, после испытаний и различных искушений, приемлет она духовное возрастание и преспеяние даже до совершенной меры бесстрастия; и тогда уже, с готовностью и мужественно выдержав всякое искушение

от греха, сподобится великих почестей, духовных дарований, небесного богатства, и таким образом соделается наследницею небесного царствия о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава во веки! Аминь.

(Св. Макария Великого).

Загробная жизнь души

(Из творений св. Макария Великого).

Когда душа человеческая выйдет из тела, тогда совершится при сем великое некое таинство. Ибо если повинна она во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы ловят душу ту и берут в собственную свою область. И никто не должен удивляться сему, потому что если душа в сей жизни, находясь в веке сем, им подчинялась и повиновалась и была их рабою, то тем паче удерживается ими и в их остается власти, когда отходит из мира. А что касается до части благой, то должен ты представлять себе, что дело бывает так. При святых рабах Божиих еще ныне пребывают Ангелы, и святые духи их окружают и охраняют. И когда отходят от тела, тогда лики Ангелов приемлют души их в собственную свою область, в чистый век, и таким образом приводят их ко Господу.

Если человек, находясь еще во брани, когда в душе его действены и грех и благодать, преставится из мира сего, то куда поступает сей одержимый тем и другим? Поступает туда, где ум имеет свою цель и любимое место. Тебе, если постигают тебя скорбь, или брань, должно только воспротивиться и возненавидеть. Ибо, чтобы не наступила брань, не твое это дело; а возненавидеть – твое дело. И тогда Господь, видя ум твой, потому что подвизаешься и любишь Господа от всей души, в единый час удаляет смерть от души твоей (это не трудно Ему), и приемлет тебя в лоно Свое и во свет; в единое мгновение времени исхищает тебя из челюстей тьмы, и немедленно преставляет в царство Свое. Богу легко все совершить в одно мгновение, только ты имел бы любовь к Нему. Бог требует от человека его делания, потому что душа удостоена быть в общении с Божеством.

Как сборщики податей, сидя в тесных проходах, останавливают и истязают проходящих, так и демоны наблюдают и задерживают души; и если души не совершенно очистились, то, при исшествии своем из тела, не получают

дозволения войти в небесные обители и предстать Владыце своему, но уносятся вниз воздушными демонами.

(Доселе Макария Великого).

Св. Иоанн Столпник от бывшего ему откровения говорит: «Когда душа разлучается с телом и от земли восходит к небу, встречают ее на пути полчища демонов, каждый в своем чине: демоны гордости, которые обследуют, обыскивают ее, не имела ли она от дел их; полчища духов оклеветания, которые ищут, не поносила ли кого и не загладила грех покаянием; встречают дальше и выше сих духи блудодеяния, ищущие, не познают ли в ней начинаний своих. Итак, когда несчастная душа, восходя от земли к небу истязается, Ангелы Божии станут в стороне от нее и ничто не поможет ей, как только дела благие».

В житии св. Василия Нового еще яснее и обстоятельнее описывается истязание на воздушных мытарствах душ человеческих, но приводить все сие полностью не входит в план настоящего изложения. А посему, все сие минуя, скажем только об участи за гробом душ праведных и грешных.

Составитель.

Блаженство праведных

Первую истину о блаженстве святых и праведных душ тотчас же по смерти на небе в раю высказал Сам Господь Иисус Христос в притче о богаче и Лазаре, что Лазарь тотчас по смерти был отнесен Ангелами на лоно Авраамово. И распятому с Ним благоразумному разбойнику сказал: «днесь со Мною будешь в раю».

Перед самым крестным страданием Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве к Богу Отцу о Себе, о святых учениках и вообще о всех истинно верующих в Него, просил: *«Отче! их же дал еси Мне, хочу, да, идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне»* (Ин.17:24). Это желание, воля, как бы завещание, молитва Господа Иисуса Христа, совершенно согласная с волею Отца Небесного, есть явное доказательство для всей церкви Христовой, т. е. для всех истинных, живых Ее членов, что они тотчас по смерти, по переходе в загробный мир, будут с Господом на небе, в раю и будут участниками Его славы. Достойные царствия небесного, по переходе в загробный мир, тотчас же будут там, где и Господь пребывает, как Богочеловек с прославленным Своим телом.

Итак, души совершенных праведников не задерживаются на воздушных мытарствах, а прямо переносятся Ангелами в царствие небесное.

Не проходят воздушных мытарств и души неверующих во Христа, но прямо ловятся бесами и сводятся во ад, что подтверждает Сам Христос сими словами: *«а неверуяй уже осужден есть»* (Ин.3:18).

Блага райской жизни, составляющие загробное состояние праведников в раю или просто их блаженство, имеют главным основанием – Бога, источника всего истинного, доброго и прекрасного, с Которым, по учению св. Апостола Павла, праведники будут жить вечно и зреть Его лицом к лицу. Лицезрение же Бога есть такое состояние человека, при котором все наши желания делаются удовлетворенными, так что

человеку не остается ничего более желать, все чувства совершенно удовлетворены. Об этом состоянии райской жизни писал и пророк Давид: *«Насыщуся, внегда явитимися славе Твоей»* (Пс.16:15).

В содержание блаженства, не допускающего и малейшей тени печали, входит и радость от сопребывания и общения со своими, и в особенности с близкими и дорогими нашему сердцу. Так, святитель Димитрий Ростовский о сем предмете пишет: «Праведники, видя себя прославленными в царствии Отца их небесного, не только себя, но и своих близких прославленными, сердца их исполнятся вечной, необъяснимой словами, радости. Возрадуется отец о спасении сына, сын о спасении отца, мать о дочери и дочь о матери, муж о спасении любимой жены и жена о муже, возрадуются братья и сестры о спасении своих братьев и сестер; родственники возрадуются о родственниках, ближние о ближних и знаемые о знаемых и о спасении незнаемых, ибо во всех будет единоклюнная, единосердечная любовь как к Богу, так и друг к другу, неразрывная и никогда не отпадающая любовь».

Все возрадуются взаимною радостью от взаимного сочувствия друг к другу. Иначе и быть не может; исполнение естественного психического закона сочувствий – радоваться с радующимися и плакать с плачущими.

(Сокращено из книги: «Как живут наши умершие»).

Там на блаженной земле кротких, говорит Святой Ефрем Сирин: все тихо и безмятежно, все светло и богоугодно, нет там ни труда, ни слез, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселие; там всегдашнее радование, вечное веселие, невечерний свет, незаходящее солнце, там град царя, о котором преславная глаголашася, там глас празднующих, там ужасныя¹⁶ сокровища премудрости и разума.

Степени блаженства праведных душ

Хотя все праведники вообще будут наслаждаться полным блаженством и до насыщения пить из преизобильных источников оно, все будут вкушать радость неизглаголанную (1Пет.1:8), однако несомненно и то, что у каждого будет своя мера, зависящая от степени нравственного совершенства каждого праведника и от меры заслуг его, и все они будут различаться степенью блаженства. Сего требует совершеннейшее правосудие Божие, и Апостол Павел ясно учит, что каждый получит мзду по своему труду (1Кор.3:8), кто скудно сеет в сей жизни, тот скудное и пожнет (2Кор.9:6); и что между праведниками такая же будет разность, какая между светилами: *ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам; звезда бо от звезды разнствует во славе, такожде и воскресение мертвых* (1Кор.15:41–42).

Только при сем каждый будет совершенно доволен своим жребием, поскольку и самая низшая степень блаженства будет так высока, что будет превосходить всякое понятие и выражение, и завистливого желания и стремления к большему, сменяющих человека ныне, там вовсе не будет. А такое довольство собою и будет составлять для каждого высшую степень блаженства.

(Из книги «Вечные загробные тайны»).

Состояние душ грешников

В противоположность блаженному состоянию праведников, души великих грешников и вообще нечестивых людей после частного суда Божия низвергаются во ад, и там претерпевают различные мучения как от угрызений совести, так и от злых духов, во власти которых они находятся.

Жизнь душ грешников до всеобщего суда

Жизнь душ грешных до всеобщего суда, по учению православной церкви, состоит: во-первых, в ясном и подробном сознании своих грехов, которыми они оскорбляли в сей жизни Бога, и угрызения совести, которая там пробудится со всею силою. Во-вторых, в мучительном томлении и тоске от того, что их привязанность к плотскому и земному теперь не может уже находить удовлетворения, а к небесному и духовному желание и вкус у них не раскрыты и не могут уже они раскрыть их.

В-третьих, в удалении от Бога и Святых Его, а вместо того в сообществе с другими, также несчастными душами и особенно с злыми духами, и в других действительных муках ада, что будет впрочем только началом и предвкушением будущих вечных мук.

(Догматическ. Богослов. Антония издан. 1852 г., стр. 259).

Состояние душ грешных до всеобщего суда и мучения их

Относительно состояния душ грешных сказано, что они будут находиться в аду.

Ад – это мрачная, подземная темница, безотрадное место плача, или ужаснейшая печь огня неугасимого, где мучаются души грешных людей. Здесь их правосудие Божие будет уязвлять тремя страшными стрелами своего гнева: раскаянием без пользы, безмерною мукою без малейшей отрады и крайним желанием без надежды, желанием Бога, без надежды на Бога.

Первая стрела гнева Божия – это живое воспоминание о протекшей в грехах жизни; воспоминание горькое, которое производит еще более горькое, но бесполезное раскаяние. О если бы эта земная жизнь наша, как скоро проходит, также скоро и забывалась! Если бы, лишаясь земных наслаждений, мы лишились бы вместе и памяти! Но нет! Что было, того нельзя переделать, чтобы не было, и нераскаянный грешник никогда не забудет грехов своих. И вечно они будут мучить совесть его, вечно он будет раскаиваться, но без пользы, вечно он будет лить слезы, но они уже не смоят грехов его: нет! Еще более будут разжигать пламень мучения... Во аде нет покаяния: заключились уже двери царства небесного и будут заперты во веки веков.

Бедная душа грешная! Что ты такое соделала, что мучаешься так страшно? В чем ты согрешила, что мучаешься тут вечно? «Я вкусил каплю меда, и вот за это мучаюсь вечно!» – говорит грешник. И что такое было плотское наслаждение, ради которого я отдал и имение и душу и сердце непотребной женщине, что это было, как не капля меда? А эта сатанинская радость, когда я видел ближнего в несчастьи, когда я мстил ему, поносил его из зависти и по злобе, что это было, как не капля меда? А эти пиры и ликования, игры и потехи, что это было, как не капля меда? И все эти богатства, ради которых я обременял совесть мою безчисленными обидами, делами незаконными – ведь все это было только капля меда! И слава, и знатность, и

честь, и покой – все, чем наслаждался я без страха Божия, все, все было капля меда, да и то смешанного с отравой, с суетами и болезнями! Да, если бы и вся жизнь моя протекла лишь в счастии земном, что все это в сравнении с вечным мучением? Одна капля меда ни что иное, яко день вчерашний, иже мимо иде!..

Кто дал бы мне теперь хоть один из тех часов, которые казались мне такими долгими, кто дал бы мне одну минуту для покаяния! Но нет уже времени: оно окончилось; теперь настала вечность, и вечно я буду плавать без пользы. Так будет он проклинать чрево, его носившее, грудь матери, его кормившую, будет проклинать родителей, друзей и всех знаемых, а более всего – тот мед греховный, ради которого он терпеть будет горечь вечного мучения адского. Но это только первая стрела гнева Божия, его поражающая.

Вторая стрела – это самая мука геенская. Соберу на них злая (Втор.32:23), угрожает Господь грешникам. Итак, собрание всевозможных и невыразимых мучений ожидает грешников во аде. Все яды скорбей собраны в одну чашу, все пламени огня соединены в один пламень, все муки вечные в одной минуте! Мучение вечное без ослабы, без конца!..

Третья стрела Божия, уязвляющая сердце человека грешника – это желание без надежды, желание Бога, без надежды на Бога. Как бурные волны грозного океана устремляются на скалистый берег, как будто желая затопить весь мир, но потом, ударившись о скалы, разбиваются на тысячу брызг и с пеною возвращаются назад, так и сердце грешников будет стремиться к Богу, но, встретив Его неизменное правосудие, твердое, подобное граниту, будет разбиваться об него, что причинит ему невыразимую скорбь и болезнь. Желать Бога всегда и не надеяться увидеть Его никогда – да это такое мучение, которое и объяснить нельзя! И это будет продолжаться вечно! Мы, грешные, ведь знаем, что будет мука вечная, и все-таки грешим, и грешим всякий день, всякий час, прилагая зло ко злу, покуда не исполнится чаша гнева Божия. Ясно, что мы или не верим, что есть мука вечная, или же мы просто обезумели и потому достойны этой муки вечной, если не за другое что, так за

неверие, или безумие наше! Как же быть? Да надобно всегда помнить муку вечную, по примеру одного святого подвижника, который, борясь с блудной страстью, ожег на огне свои пальцы ручные. Когда же боль стала невыносима, то он отдернул руки от свечи и сказал себе: если я не могу терпеть одной минуты, чтобы мои пальцы горели на огне, то как же вытерплю я муку вечную, когда буду гореть весь в пламени геенны? И таким образом он победил страсть, избежал греха и спас свою душу.

(Из «Урок. Христ. нравст.» о. Г. Дьяченко).

О состоянии душ, которых участь окончательно не решена

В аду временно пребывают и те души христиан, впадших в смертные грехи, которые принесли покаяние, не отчаялись в своем спасении, но не успели принести плодов покаяния.

Отличительный характер нерешенного состояния душ подобен тому болезненному состоянию душ на земле, в которых жизнь берет верх над разрушением.

Так точно и души нерешенного состояния, не смотря на свое греховное тяготение, полны веры и надежды на Бога – Икупителя, взявшего их грехи на свои рамена, и в таком настроении духа вместе с небожителями преклоняют колена пред Господом Иисусом Христом и Его Пречистой Матерью, воспевая торжественную песнь: Аллилуиа.

Эти души не безнадёжны и, хотя не могут выйти из своего состояния сами, но жаждут и ожидают для сего посторонней помощи, и способны воспользоваться ею. Так исповедует наша православная Церковь: «души людей, впадших в смертные грехи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящею жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитва, слезы, коленопреклонения, сокрушение, утешение бедных и выражение в поступках любви к Богу и ближним, что католическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным, нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь впрочем надежды облегчения от них».

(Из книги «Как живут наши умершие»).

Таким душам нерешенного состояния помогают молитвы Церкви и приносимая за них Бескровная жертва, а также и подаваемая за них милостыня; а таковыми жертвами Господь умиловливается и переселяет их из мрака адского в светлые обители райские; но когда это совершится и над всеми ли душами? Это одному Богу известно. Известно только, что до самого страшного суда, до окончательного над всеми приговора,

такое перемещение душ не противно правосудию и милосердию Божию. А по окончании страшного суда, такого нерешенного состояния уже не будет, тогда праведники пойдут в вечное блаженство, а грешники в вечное мучение.

Составитель.

Благодарение Господу Богу

Исповедуюсь Тебе, Господи Боже мой, что Ты сотворил меня разумным, сотворил не как равного с ангелами; так как я чрез Слово Твое могу достигнуть и равенства с ними, и стать сыном чрез Единородное Слово Твое, чрез возлюбленного Сына Твоего, о Котором Ты благоволил, и Который есть Искупитель наш и Ходатай пред Тобою, Который возлюбил нас более Себя, чрез Которого имеем упование и твердую надежду и доступ к Тебе, так как Он дал власть верующим во Имя Его быть сынами Божиими.

Вздам хвалу имени Твоему, Господи, за то, что Ты сотворил меня по образу и по подобию Твоему, сделал причастником такой славы, что я могу быть сыном Божиим, чем не могут быть деревья или камни и вообще все движущееся и растущее в воздухе, или в море, или на земле, так как не дал им власти чрез Слово Твое быть сынами Божиими, потому что они не имеют разума. А дал эту власть людям, которых сотворил разумными по образу и по подобию Своему. И я благодатию Твоею – человек, и сыном Твоим быть могу, а все упомянутое быть им не может.

Господи! Ты все сотворил по единой благодати Твоей. Все твари были равны заслугами, потому что все не имели никаких заслуг. Так откуда же благодать Твоя более всей твари явилась в человеке? Почему я не такой, как все прочие твари, или все они не таковы, каков я? Какие мои заслуги, какие мои добрые дела, что Ты меня сотворил способным быть сыном Божиим, а им всем в том отказал? Да не помыслю, Господи, о своих заслугах. Твоя только благодать, только Твоя благодать сделала то, чтобы я был участником сего блаженства.

(Из твор. блаженн. Августина).

Приими. же, Господи за все сие благодарение наше и не лиши нас обещанного нам Небесного Твоего Царствия.

Основы христианской нравственности,

или правила духовного возрождения грешной души, по учению епископа Феофана¹⁷.

Жить нам надобно так, как Бог создал нас. Многие же потому и не живут, как должно, что думают, будто правила о достодолжной жизни навязываются совне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются. Посему рассмотрим, что вложено в нашу природу Самим Творцом, и что привнесено грехом, так сказать, нажито нашей греховной жизнью. Начиная с физической стороны, с телесной жизни, перейдем постепенно к устройству и проявлению высшей духовной жизни.

Тело наше состоит из различных органов, из коих каждый совершает свое отправление, существенно необходимое для жизни телесной. Главных органов три: 1) желудок с легкими, сердцем, артериями и венами, лимфатическими сосудами и множеством других сосудов, сосудовцев и желез, служащих для разных отделений из крови и соков тела; отправление всех их – питание тела или плодотворение; 2) систем мускулов и костей, отправление коих есть движение внутри и во вне и 3) система нервов, центр коих – голова, спинной мозг и система ганглий, где-то под брюшною и грудною преградою, а разветвления проникают все тело; отправление ее – *чувствительность*. Когда ход этих отправлений и взаимное их отношение в порядке, тело здорово и жизнь вне опасности; а когда этот порядок нарушается, тело заболевает и жизнь в опасности. Каждое отправление имеет свою потребность, которую дает живо чувствовать живущему, требуя удовлетворения. *Потребности желудочной* или питательной и плодотворной части суть – *пища, воздух, сон*; *потребность мускульно-костяной части* есть потребность *напрягать* мускулы, которую всякий чувствует, долго засидевшись, и прямо *потребность движения*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной части* – приятное раздражение нервов всего тела, как мерность тепла, холода и подоб., и особенно

приятное раздражение пяти наших чувств, в которых нервная система вышла наружу для общения со внешним миром.

Все это, как видите, телесно; душе какое бы до всего этого дело. Но как она, по теснейшему сочетанию с телом, приняла его в свою личность, то своими считает и все потребности телесные. От того говорим: я хочу есть, пить, спать, хочу ходить, гулять, работать, хочу видеть разноцветы, слышать разноголосие, обонять разноухания и проч. Усвоив себе все потребности телесные, душа заботится и о удовлетворении их, чтобы тело было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованиями.

Совокупность всего этого и есть телесная сторона человеческой жизни. Но не все здесь одинаково телесно, или плотяно и чувственно. Крепко плотяна только питательная часть, но и она облагораживается приспособлением ее удовлетворения к потребностям и целям собственно душевным. Органы же движения и чувства служат более нуждам души, чем тела. А один орган, стоящий будто вне системы прочих органов, именно орган слова – исключительно есть орган души, назначенный для служения ей одной.

Телесная, плотская, чувственная – неодобрительная в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолубием и телолубием, поставляет главною для себя целью и заботой покой тела, или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных с забвением о душе и теле, паче о духе.

При этом каждая телесная потребность естественно-простая расплождается во множество прививных потребностей чрез привычку и пристрастие к разным способам ее удовлетворения. Возьмем пищу, или питье, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящегося? А между тем, сколько потребностей расплодится у них по этой части, потребностей неотлучных и неотложных: хоть умри, да подай! От того видим, что иные минуты не имеют свободной, бегая за нужным для удовлетворения их. У таких неизбежно должны голодать душа и дух, если они еще не совсем заглушены, забыты и погружены в чувственность.

Рассмотрев низшую, плотскую сторону человеческой природы, перейдем к явлениям высшего порядка, к душевной жизни человека. Но если мы станем смотреть в душу сообща, то ничего не разберем; посему нужно действия ее распределить по родам и каждый потом рассматривать особо. Да уж давно присмотрелись и распределили все действия души на три разряда – мыслей, желаний и чувств, назвав каждый особою стороною души – мыслительною, желательною и чувствующею.

Сторона мыслительная

Если внутри нас видится смятение, то оно наибольший простор имеет в мыслях; желания же и чувства мнутся уже под действием мыслей. Но в разряде мыслей не все есть беспорядочное движение; есть в среде их ряд серьезных занятий. Они то, собственно, и составляют настоящее дело жизни душевной со стороны мыслей. Вот эти занятия.

1) Как только заметили вы что-либо во вне посредством своих чувств, или выслушали рассказ других о том, что они заметили своими чувствами, тотчас все то *воображение* воображает и *память* запоминает; и в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти. Затем и последующая деятельность мыслительная опирается на воображении и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о том и думать не станешь. Бывает, что мысли прямо рождаются из души; но и они тотчас одеваются в образ. Так что мысленная сторона души вся есть *образная*.

2) Но воображение и память добывают и хранят только материал для мыслей. Само движение мыслей исходит из души, и ведется по законам ее. Воображение и память не мыслят. Они – чернорабочие силы, подъяремные. Способность души, из которой исходят такие вопросы и которою доискиваются и порождаются мысли в ответ на них, называется *рассудком*, которого дело рассуждать, обдумывать и находить требуемые решения. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у вас не делается без обдумывания, соображения. Всякую малость приходится обсуждать.

3) Когда вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль определенная устанавливается, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок ваш все роется, ища что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое решение, или, выслушав его от других, согласитесь с ним, обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное. Это решение дает покой нашей мыслительности относительно

занимавшего вас предмета. Тогда рассудок ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный – память, откуда, по требованию нужды, берется как пособие к решению других вопросов, как средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся таким образом понятий составляет образ ваших мыслей, который вы и обнаруживаете при всяком случае в речах своих. Это есть область вашего *знания*, добытого вами трудом мысленным. Чем больше у вас решено вопросов, тем больше определенных мыслей или понятий о вещах, чем больше таких понятий, тем шире круг вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у вас стоит рассудок, который своим *мыслительным трудом* добывает для вас определенные о вещах понятия и познания.

Не на всякий вопрос удастся нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают, думают, и ничего определенного не придумают. Почему говорят: может быть так, а может быть этак. Это дает *мнения и предположения*, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся познаний.

Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других позаимствует так много определенных о них мыслей и понятий, а не решенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности и дает нам *науку* о тех предметах. Наука – венец мыслительной работы рассудка.

Все это сказано для того, чтобы ясно было, в чем должна бы состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбно обсуждать незнаемое еще, чтоб познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки; но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем можно и должно. Вот этим и следовало быть у всех занятою мыслительной силе. Между тем, что видим в нашей мысленной области? Непрерывное движение образов и

представлений без всякой определенной цели и порядка. Помышление за помышлением восстают, и то идут в ряд, то возвращаются назад, то отбегают в стороны, ни на чем не останавливаясь. Это не рассуждение, а блуждание и рассеяние мыслей; следовательно, состояние, совсем противоположное тому, чем бы следовало являться нашей мыслительной силе – болезнь ее столь внедренная в нее и общая всем, что вы ни одного не найдете человека, который бы мог постоянно вести серьезный труд мышления, не подвергаясь рассеянию и блужданию мыслей, отрывающих его от дела и увлекающих в разные стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояние? Вот что: мысль сходит в архив памяти и помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории, по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающей. Говорят: углубился. Углубился, но в пустоту, а не в серьезное обсуждение дела. Это есть то же, что сонное мечтание праздномыслие и пустомыслие. Понаблюдайте за собой и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в таком пустомыслии и блуждании мыслей. Иной день (и не больше ли таких) ни одной серьезной мысли не вспадет на ум. Прошу обратить внимание, и заняться решением вопроса: прилично ли так действовать разумной твари?

Желательная сторона

Действующая здесь сила есть воля, которая «волит», желает приобрести, употребить или сделать, что находит полезным для себя, или нужным, или приятным, и не волит – не желает противного тому. Воления воли требуют соответственного дела, потому воля прямее есть деятельная сила, которой существенная потребность – жить и действовать. Она держит в своем заведывании все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно. В основе ее лежит ревность или ретивость – жажда дела, а возбуждителями стоят при ней – *приятное, полезное и нужное*, которых когда нет, ревность спит и деятельные силы теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность.

Ход раскрытия сей стороны душевной таков. В душе и теле есть потребности, к которым привились и потребности житейские – семейные и общественные. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому с пробуждением ее рождаются и разные желания – то того, то другого, то третьего предмета, могущего удовлетворить потребность. В раскрывшейся жизни человека потребностей за желаниями и не видно. Роятся в душе только сии последние и требуют удовлетворения будто сами для себя.

Что делать человеку с сими желаниями? Ей предложит *выбор*, какому предмету из возжеланных дать предпочтение. По выборе происходит решение – сделать, или достать, или употребить избранное. По решении делается подбор *средств* и определяется способ и порядок исполнения. За этим следует наконец дело в свое время и в своем месте. Всякое, даже

самое маленькое дельце, идет сим порядком. Это можете вы проверить на каком-либо своем деле. По навыку иногда все эти действия совершаются мгновенно, и за желанием тотчас следует дело. Выбор, решение и средства берутся тогда из прежних дел и особого производства не требуют.

В пожившем человеке все почти делается по навыку. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и занятий. Так уж бывает, что сложившаяся жизнь требует соответственных себе дел. Как они повторяются часто, то естественно обращаются в навык, право, правило жизни и характер. Из совокупности всех такого рода навыков, правил и порядков устанавливается образ жизни известного лица, как из совокупности установившихся понятий составляется образ мыслей и воззрений. Зная чей-либо образ жизни, можно угадывать, что думает он в то или другое время и как поступит он в известных обстоятельствах.

Заправителем деятельной жизни поставлено *благоразумие*, которое есть тот же рассудок, только состоящий на службе у воли. В мыслительной области рассудок решает – как что есть из существующего, а в желательной и деятельной определяет – как что делать должно, чтобы верно было достигаемо то, что законно возжелено. Когда навыкнет он определять это как следует, так что человек дела свои ведет всегда или большей частью с успехом, тогда ему справедливо приписывается *благоразумие* – умение с успехом вести дела, верно соображая средства с целями и дела с внешними обстоятельствами.

Из сказанного не трудно вывести заключение о естественно-законной деятельности воли, которая есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями, или их заменивших, чтобы жизнь текла достойно, доставляя покой и радость живущему. Есть у нас, как поминалось, потребности и желания душевные, телесные, житейские и общественные. Не у всех они одинаково проявляются, потому что не у всех одинаково слагается жизнь, а у одного так, у другого иначе. Дело человека определить, как в своем положении может и должен он удовлетворять свои потребности

и желания, приладить подходящие к тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь со всеми делами ее и начинаниями – се есть задача желательной или деятельной стороны нашей жизни. Так бы следовало. Но вникните и рассмотрите, что бывает?

В мысленной стороне у нас бывает смятение, рассеяние и блуждание мыслей, а в желательной – непостоянство, беспорядочность и своенравие желаний, а за ними и дел. Сколько времени проходит у нас в безделии и пустоделии: шатаемся туда и сюда, сами не зная, для чего делаем и переделываем, не умея дать здравого в том отчета; идут у нас начинания за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только толкотня – суета. Зарождаются желания и ничего с ними не поделаешь: давай и давай. И добро бы это однажды так, а то почти – что ни час. От чего это? Расслылась госпожа наша – воля. Посмотрите еще, сколько у нас есть пришлых возбудителей желаний – гнев, ненависть, зависть, скупость, тщеславие, гордость и подобные? Источником желаний должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а в этих всех, что есть естественного? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие?

Сторона чувства – сердце

Кто не знает, сколь великое имеет значение в жизни наше сердце? В сердце осаждаются все, что входит в душу со вне и что вырабатывается ее мыслительной и деятельной стороной; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душой во вне. Потому оно и называется центром жизни.

Дело сердца – чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствует постоянно и неотступно *состояние души и тела*, а при этом и *разнообразные впечатления* от частных действий душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и вообще от течения жизни, понуждая и нудя человека доставлять ему во всем этом приятное и отвращать неприятное. Здоровье и нездоровье тела, живость его и вялость, утомление и крепость, бодрость и дремота, затем – что увидено, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомнуто и воображено, что обдумано и обдумывается, что сделано, делается и предлежит сделать, что добыто и добывается, что может и не может быть добыто, что благоприятствует нам или не благоприятствует, лица ли то или стечение обстоятельств – все это отражается в сердце, и раздражает его приятно или неприятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть в покое, а быть в непрерывном волнении и тревоге, подобно барометру пред бурю. Но оно причувствовалось и многое проходит у него без следа, как можете проверить теми случаями, что когда в первый раз случится нам быть где, то все нас там занимает, а после второго и третьего раза – разве что! Всякое воздействие на сердце производит в нем особое чувство, но для различения их в нашем языке нет слов. Мы выражаем свои чувства общими терминами: приятно – неприятно, нравится – не нравится, весело – скучно, радость – горе, скорбь – удовольствие, покой – беспокойство, досада – довольство, страх – надежда, антипатия – симпатия. Понаблюдайте за собой и найдете, что на сердце бывает то одно, то другое.

Но значение сердца в экономии нашей жизни не то только, чтоб страдательно состоять под впечатлениями и свидетельствовать об удовлетворительном или неудовлетворительном состоянии нашем, но и то, чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце! А пред тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. От того умеющие собою править, встречая нужное дело, которое однако ж не нравится сердцу, спешат найти в нем приятную сторону и тем, помирив с ним сердце, поддерживают в себе потребную для дела энергию. Ревность – движущая сила воли, из сердца исходит. То же и в умственной работе: предмет, павший на сердце спешнее и всестороннее обсуждается. Мысли при этом роятся сами собой, и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд.

Не все всем нравится, и не у всех ко всему одинаково лежит сердце; но у одних больше к одному, а у других больше к другому. Это выражается так: у всякого свой вкус. Зависит это частью от естественного предрасположения, частью (и не больше ли?) от первых впечатлений, от впечатлений воспитания и случайностей жизни. Но как бы ни образовались вкусы, они заставляют человека так устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношениями, какие указывают его вкус и с какими мирен он бывает, удовлетворяясь ими. Удовлетворение вкусов сердечных дает ему покой сладкий, который и составляет свою для всякого меру счастья. Ничто не тревожит: вот и счастье.

Если б человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности – благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных его сердцу, и следовательно, имел бы наибольшую долю счастья. Но, как указывалось, мысленная часть редко держит себя достоподобно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная уклоняется от своего нормального направления, увлекаясь непостоянными желаниями, возбуждаемыми не потребностью естества, а пришлыми страстями. От того и сердце покоя не имеет, и, пока те стороны находятся в таком состоянии, иметь

его не может. Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей, встречались бы конечно неприятности, но они никогда не мучили бы так сердце, как мучают страсти. Как жжет сердце гнев? Как терзает его ненависть? Как точит злая зависть? Сколько тревог и мук причиняет неудовлетворенное или посрамленное тщеславие? Как давить скорбь, когда гордость, самолюбие и самоуважение страдает?

Да если построже рассмотреть, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца – от страстей. Эти злые страсти, когда удовлетворяемы бывают – дают радость, но кратковременную, а когда не бывают удовлетворяемы, а напротив встречают противное, то причиняют скорбь продолжительную и несносную.

Таким образом, видно, что сердце наше точно есть корень и центр жизни. Оно, давая знать о хорошем или худом состоянии человека, возбуждает к деятельности прочие силы, и после деятельности их опять принимает в себя, на усиление или ослабление того чувства, коим определяется состояние человека. Казалось бы, что ему следовало бы отдать полную власть и над управлением жизнью, как это и бывает у многих – многих вполне, а у всех прочих понемногу. Казалось бы так – и, может быть, по естеству оно имело именно такое назначение, но привзошли страсти и все помutilи. При них и состояние наше указывается сердцем неверно и впечатления бывают не таковы, каким следовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбуждения других сил направляются не в должную сторону. Потому теперь закон – держать сердце в руках и строгой подвергать критике его чувства, вкусы и влечения. Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу; но пока страсти в силе давать волю сердцу – значит явно обречь себя на всякие неверные шаги. Хуже всего поступают те, которые и целью жизни поставляют сласти сердца и наслаждения, как говорят жизнью. Так как сласти и наслаждения, плотские и чувственные дают себя сильнее чувствовать, то такие лица всегда ниспадают в грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей.

Так вот вам душа и душевная жизнь со всех сторон! Я указывал нарочно, чему естественно следует быть на каждой

стороне и чему не следует.

Душа вся обращена исключительно на устройство нашего временного быта – земного. И познания ее все строятся только на основании того, что дает опыт, и деятельность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело. Хотя и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гости суть, заходящие к ней из другой высшей области, именно *области духа*. Что же это за дух? Это та сила, которую вдохнул Бог в лице человека, завершая сотворение его. Все роды существ земных изводила, по повелению Божию, земля. Душа человеческая, хотя и сходна с душой животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее ее. Что она является такой в человеке – это зависит от сочетания ее с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочетавшись с нею, столько возвысил ее над всякой нечеловеческой душой. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных и то, что свойственно душе человека одухотворенной, а выше еще то, что свойственно собственно духу.

Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в нем одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него, Им и с Ним.

Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть: 1) Страх Божий. Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть Верховное Существо, Бог, Который все сотворил, все содержит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят, и Ему угождать должны, что Он есть Судия и Мздовоздатель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговеинствует пред Богом и исполнен страха Божия. 2) Совесть. Сознывая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нем и

требования Своей святости, правды и благодати, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право, и что неправо, что угодно Богу, и что не угодно, что должно, и что не должно делать, указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздатель. Она есть – естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе с страхом Божиим и действия совести. 3) Жажда Бога. Она выражается во всеобщем стремлении ко всесовершенному благу, и яснее видна тоже во всеобщем неудовольстве ничем тварным. Что означает это неудовольство? То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет. Его вкусить желает и в живом с Ним пребывая союзе и сочетании, в Нем упокоивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может. Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят; но, нашедши, бросают, и снова начинают искать, чтобы и то, нашедши, так же бросить. Так без конца. Эго значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горе – к небесному!

Душа человеческая делает нас малым чем выше животных, а дух являет нас малым чем умаленными от Ангелов. Дух человека присущ в нем, как живая сила, живыми и ощущаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии. В ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством. Дух, как существенная сила, сам Бога созерцая яко Творца и Промыслителя, и душу манит в ту невидимую и безпредельную область. Дух, Бога ведущий, естественно постигает красоту Божию, и ею единою ищет наслаждаться. Хотя не может он определенно указать, что есть сия красота, но, предначертание ее нося сокровенно в себе, определенно указывает то, что она не есть, выражая сие

показание тем, что не довольствуется ничем тварным. Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская.

Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то, другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает, а когда они не удовлетворяются, то, будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу*.

Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей воспособствует, и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни – гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. И се – рай! Напротив, когда дух не удовлетворяется и сие единое на потребу забыто, тогда все другие потребности разбегаются в разные стороны и каждая требует своего и как их куча, то голоса их, как шум на базаре, оглушают бедного человека, и он мечется то туда, то сюда, как угорелый, за удовлетворениями их. Но покоя никогда не имеет, потому что когда одна удовлетворяется, другие не довольствуются тем, и, не считая себя чем-либо ниже той, которая удовлетворена, настойчиво требуют своего, как у матери, когда она накормит одного ребенка, другие пять кричат. Оттого внутри у такого шум, гам, разволока во все стороны и во всем беспорядочность. Такой ничем недоволен, всегда в туге, то, утомившись, стоит выпуча глаза и недоумевая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушение духа!

Вот откуда и рождается вопрос: то как же быть то? Как сделать, чтобы духовная сторона была в нас преобладающею и, заправляя всем, вносила строй в жизнь нашу?

Вопросу сему не было бы места, если б жизнь, свойственная нам, развивалась, как следует. Ибо и телесные с душевными потребностями так же естественны нам, как и духовные, и удовлетворение им само по себе не может вносить

беспорядка и смятения в жизнь, как и удовлетворение духовным. Развивайся они все в строе и естественном взаимоподчинении, и жизнь человеческая текла бы прелесть как хорошо. Посадите семечко, поливайте, держите в должной теплоте, оно дает росток, ствол, лист и наконец цвет прелестный. Так было бы и с человеком. Раскрываясь он в естественном чине, будет всегда выходить прекрасный человек. Отчего же это мы ни себя, ни других не видим прекрасными? Отчего жизнь наша покривляется?

Бог создал человека для блаженства и именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителям и научал их Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнить, Он дал им небольшую заповедь – не вкушать плодов от одного дерева, названного Им деревом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю.

Такому их блаженству позавидовал падший прежде по гордости дух и сбил их с пути, соблазнив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстительно представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут – станут как Боги. Они поверили и вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так было бы важно, если б не те страшнопреступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от дерева затем, чтоб и они не сделались богами, и они этому поверили. Но поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. «Так вот Он какой, – засело у них в сердце о Боге, – а мы думали, что Он такой благой. Ну, так мы сами себя устроим наперекор Ему». Вот эти то мысли и чувства были страшно преступны! Они и означают

явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злему духу: выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему – и это не как летучая мысль, а как враждебное решение.

Так сознание зазналось и свобода возсвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное с отвращением неким и враждебным восстанием против. За это и Бог отступил от таких преступников и живой союз прерван. Бог везде и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но, храня их и держа внутри не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покались поскорее, может быть, Бог возвратился бы к ним, но они упорствовали и при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему. Благодарение всемилостивому Богу, что Он хоть отступил от нас, но не бросил, устроив предивный способ к воссоединению нас с Собою.

Дух был властен над душой и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, то пресекся приток и божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а через душевность – телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тут же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, и быта, более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое низвержение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристической их чертой.

Но это недоброе состояние было бы еще сносно, если б не страсти, а то страсти превзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассердившего бьет гнев, как лихорадка? Как завистливого источила зависть, что посинел бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что он кости и кожа. Таковы и все страсти! Вошли же они вместе с самостью. Как только произнеслось внутри праотца: так я сам..., так самость внедрилась в него, сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность, со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние.

Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими поработанный. Сами по себе эти потребности мерны и небурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, это от того, что дух бушует в них: ибо у него по природе энергия безгранична. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек...

Происходя от общих прародителей, мы все рождаемся с зачатками зла, которые, раскрываясь вместе с раскрытием наших сил и потребностей, вносят в них смятение и полное расстройство.

Но осталась надежда на восстановление. Расстройство прирождено нам, но не природно. Придя в расстройство, наша природа в существе своем не изменилась после грехопадения:

она только болеет и страдает от разрушенной грехом гармонии сил и способностей человека.

Естество наше в чистом виде достолюбезно. Сами Ангелы взирают на него с любовью и удивлением, когда оно является таковым. Нам ли не желать увидеть его таковым и при том не вне – в других, а в себе самих? Да ведь и все наше счастье и благобытие в том состоит, чтоб избавиться от сей болезни. Ибо, когда ее не будет, что помешает нам быть в блаженном состоянии и чувствовать себя таковыми? Напротив, если эта болезнь природна, то ее уж не уврачуешь. Так и останется она навсегда, сколько ни трудись над изгнанием ее. Посему еще повторяю: держите убеждение, что неприродна нам беспорядочность наша, и не слушайте тех, которые говорят: что тут толковать, так уж мы сотворены, ничего с собою не поделаешь. Не так мы сотворены и если возьмемся за себя, как следует, то что-нибудь и сделаем с собою.

Так что же нужно для того, чтоб все в нас поставить в прежний – первоначальный чин?

Как скатились мы под гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Как зашла болезнь, противоположно тому действуя, можно изгнать ее. Отпали от Бога, надо воссоединиться с Ним. Отпали, усомнившись в слове Бога, надо восстановить полную веру сему слову. Потеряв веру Богу и в Бога, приняли мы пагубное решение: *так я сам*, надо уничтожить это – *я сам*. Когда образовалось это пагубное – *я сам*, дух наш потерял свойственную ему силу властвовать над душой и телом, и напротив сам подпал под иго рабства им; надо восстановить сию власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности души и тела разбрелись в разные стороны и в желаниях наших произошло смятение; надо все эти потребности опять привести к единству и установить в их чине взаимоподчинение. Вместе с пагубным *я сам* втеснилась в круг жизни нашей стая страстей, подобно диким зверям, терзающих нас; надо изгнать сии страсти.

Видите, сколько надо. Посему нельзя надеяться самим уладить это главнейшее наше дело, потому что первый пункт в нем, не установив которого за другие и братья нечего, именно

– воссоединение с Богом – никак не может состоять в нашей власти. Мы можем желать его и искать; но устроить его – дело не наших рук. Кто может втесниться в область Божию или сам проложить дорогу к нему? Кто силен взять у Бога, что желает, тем паче понудить Бога быть в нас, чтобы и мы были в Нем, и особенно после того, как все это было уже дано нам, но презрено, и лице Божие умалено недоверием и власть Его поправа самоволием? Говоришь: покаюсь и каюсь. Но не твое дело поставлять условия. Может и покаяние идти в дело; но когда Сам Бог его постановит и согласится принимать. А само по себе что оно?! Ушибся и больно: что тут?!

Так воссоединение не в нашей власти. Между тем вот как оно важно, – что, совершись воссоединение, все прочее пойдет уже само собою. Тотчас возмет силу дух, подчинить себе душу и тело, упорядочить потребности и желания и выгонит страсти. Но ему то самому как состояться? Речь эту я веду к тому, чтоб дать вам разуместь, что нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок сего воссоединения, поспеши приять его полною верою и воспользоваться им с теплою благодарностью. И благодарение человеколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.

Не буду излагать вам, как все сие совершено; скажу главное. Для восстановления духа нашего и воссоединения его с Богом необходимо, чтобы дух Божий нисходил в него и оживлял его. Чтобы открыть путь нисхождению Духа Божия, Сын Божий воплотился, пострадал плотию, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса и послал от Отца Духа Святого, Который, приемлем бывая верующими в Сына, исполняет в них то, о чем молился сей Сын: *якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин.17:21).

Как же Он совершает сие? Сочетаваясь с духом тех, кои веруют в Сына Божия, и, оживляя его, воссоединяет его с Богом. Сие именуется новым рождением от Бога, которое верующих делает чадами Божиими по благодати, как говорит св.

Иоанн Евангелист: *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во Имя Его: иже не от крови,... но от Бога родишася (Ин.1:13)*. И стало законом духовной жизни о Христе Иисусе: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие, ибо только рожденное от Духа дух есть (Ин.3:5–6)*.

Производство Богообщения совершается благодатию Святого Духа. Он изготавливает в нас обитель, и вместе с Богом-Отцем и Богом-Сыном вселяется в нас. Как же изготавливается сия обитель?

Дух Божий сокровенно действует на дух наш и приводит его в движение, отчего является в нас чувство зависимости нашей от Бога и сознание нашей пред Ним греховности, что и поставляет человека в безвыходное положение: *камо пойду? камо бегу?* Но бежать некуда: пойман и в руках Бога – Судии и Воздаятеля. *Чувствуется гнев Божий с небесе на всякую неправду (Рим.1:18)*.

Без Евангелия такое пробуждение духа нашего было бы пагубно, ибо неизбежно ввергало бы в отчаяние. Но благодать Божия так устрояет, что истинное пробуждение духа и совершается и сопутствуется Евангелием. Тому, у кого внутри образовалось, вследствие пробуждения духа, «камо пойду, камо бегу», Евангелие возвещает: куда и зачем бежать? Иди под сень креста и спасешься. Сын Божий, воплотившись, умер на кресте в очищение грехов наших. Веруй в сие и получишь отпущение грехов, и милость Божию сретить. Апостолы всегда так делали, проповедуя Евангелие. Растревожат, а потом говорят: веруй в распятого Господа и спасен будешь.

Не все совершает один Дух Божий. Требуется нечто и от нас, и это нечто – немаловажно. Дух Божий возбуждает благовестие, указывает, за что взяться. Сие от Бога. Но сделав сие, Бог останавливается, и ждет нашего произволения. Первыми действиями своими Бог как бы спрашивает: хочешь выйти из беды? Вот что сделай. Момент сей самый важный. Склонился кто на указание, открывает вход дальнейшим действиям благодати, которая и вводит его потом в область спасенных. Не склонился, пресекает дальнейшие действия

благодати, и остается в среде погибающих. Бог никого не неволит спастись, а предлагает на выбор, и только того, кто изберет спасение, спасает. Если б не требовалось наше произволение, Бог всех в одно мгновение сделал бы спасенными: ибо всем хочет спастись. Но тогда и совсем не было бы погибающих. А произволение наше не всегда разумно бываете, упорничает и Самому Богу не внимает. Вот и гибнет.

Бог дал человеку свободу, и не хочет против воли входить в него и действовать в нем. Захочет человек сам себя предать действию Божию – самоохотно, тогда и Бог благодатию Своею начинает действовать в нем. Таков уже закон, что человеку надо самому восхотеть и изыскать, и тогда благодать уж не бросит его, лишь бы только сам он пребыл верен ей.

Припомните притчу Спасителя о сокровище, сокрытом на поле, и о человеке, ищущем драгоценных бисеров (Мф.13:44–46). Один увидел в поле десятину, на коей зарыто сокровище; пошел, все свое продал и купил десятину ту. Конечно, он вырыл потом сокровище и разбогател, хоть об этом не помянуто. Это поле или десятина есть душа наша; сокровище, сокрытое в ней, есть благодать, чрез святое крещение в нее вложенная. Что увидел сокровище человек притчи, этим означает момент, когда сознает христианин, что в нем сокрыта такая драгоценность, ни с чем несравнимая – благодать св. Духа. Продав все, – это значит, всем пожертвовал, что имел, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище – возбудить и привести в явь сокрытую в нем благодать.

Другой купец был, торговавший драгоценными камнями. Узнал он, что где-то есть алмаз, которому равного ничего нет, но которому цены в том месте, где он находился, не знали (это я от себя дополняю). Желая его приобрести, и этот тоже все свое продал и купил его. И, конечно, разбогател. И этот драгоценный бисер есть образ благодати Божией, в нас сокрытой и неведомой нам, пока не сознаем того. Кто сознает, тот вместе убеждается, что ничего нет драгоценнее ее. Потому с полным самоотвержением все бросает и устремляется на возгреение и воспламенение в себе благодати.

Из этих притчей вы видите, что именно ожидается от нас. Ожидается, чтобы мы 1) *сознали присутствие в себе дара благодати*; 2) *уразумели драгоценность* ее для нас столь великую, что она дороже жизни, так что без нее и жизнь не жизнь; 3) *возжелали* всем желанием *усвоить* себе сию благодать, а себя присвоить ей, или, что то же, проникнуться ею во всем своем естестве, просветиться и освятиться; 4) *решились* самым делом достигнуть сего; и затем 5) *привели сию решимость* в исполнение, оставя все, или отрешив сердце свое от всего и предав его все вседействию Божией благодати. Когда совершатся в нас сии пять актов, тогда полагается начало внутреннему перерождению вашему, после которого, если неослабно будем продолжать действовать в том же духе, внутреннее перерождение и озарение будет возрастать – быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное, по самозабвению и самоотвержению.

В изложенных основах христианской нравственности – ключ к разрешению всех загадок и противоречий нашей жизни, они дают стройное и всеобъемлющее мирозерцание. Они должны лечь в основу всех убеждений и взглядов православного христианина, а это дело неизмеримой важности.

Бог в душе человека

Как отпечатлелся образ Божий в уме человека?

Господь Бог есть высочайший Ум. И человеку Он дал такой ум, который имеет способность необычайно быстро развиваться и наполняться познаниями; мы видим, что отроки и юноши в продолжение семи или восьми лет усваивают себе в главных чертах познания о всем существующем в мире, познания, которые приобретались многими поколениями в продолжение целых тысячелетий, но ум человека, развиваясь и усовершаясь, чем более приобретает познаний, тем более видит, что эти познания еще несовершенны и неполны, и, идя вперед и вперед, не видит предела в достижении полноты ведения. Человек стремится познать все, ибо познания суть пища для его ума; он не довольствуется познаниями о земных предметах, потребных для телесной жизни его, он придумывает и устраивает разные многосложные орудия, чтобы проникнуть в тайны отдаленного звездного мира; видя зависимость предметов одних от других, восходя от причин к причинам их, он стремится познать первого Виновника всего сущего, и это стремление вложено в самое существо его духа.

Душа человеческая не только мыслит, желает и чувствует, но и еще, как в зеркале, видит свои мысли, желания и чувствования. Это есть самосознание человека. Хотя человек состоит из тела и души, и хотя весьма многообразны и разнородны действия тела и души, но все они отражаются в едином сознании его, и все эти действия человек относит к себе одному. Потому он, сознавая единое начало в себе, а также видя в мире гармонию, порядок и общие силы и законы, признает единого Виновника и Управителя вселенной.

Человек видит, что владычествующее в нем есть ум. Чрез ум он не только познает себя и окружающий его мир, но и управляет собою и своим телом, которое есть только орудие души, чрез ум управляет и предметами видимого мира и царствует над одушевленными тварями, он не ступит шагу без цели, без ума, потому и Бога представляет не иначе, как

высочайшим Умом, все создавшим с мудрыми целями, и в самом деле постигает многие цели и намерения Творца в Его созданиях.

Господь сделал все, чтобы человек признал Его бытие и познал Его; Он даровал человеку высокий ум, но в то же время, призвавши его из небытия к бытию, заключил дух его в малом теле, зависящем от окружающего мира, поставил его среди громадной вселенной, поражающей его величием и мудростью своего устройства. Впрочем, для того, чтобы иметь уверенность в бытии высочайшего существа – премудрого Творца мира, не требуется очень многого знания. Бог устроил так, что хотя бы люди имели далеко не полные познания, доступные и необразованным людям, могут пробудить положенную Самим Творцом в глубине души их мысль о Нем, как всесовершенном, высочайшем Существе; человек изначала издали видит то высочайшее Существо, к Которому он должен стремиться и приближаться и умом, и волею, и сердцем.

Как открывается образ Божий в воле человека?

Бог есть Существо всесвободное, но любящее и творящее одно добро. Он есть существо всесвятое. И человеку дана такая свобода, что он до некоторой степени может противиться даже воле Божией. Но так как блаженство человека зависит от свободного уподобления Господу Богу в добрых делах, то Бог дал человеку внутреннего законодателя; этот законодатель есть нравственное чувство, или совесть. Совесть делает три дела: во-первых, законодательствует или показывает, что человеку должно делать и чего не делать; как ум показывает ему, что истинно и что ложно, так совесть показывает ему, что доброе и что злое. Совесть в отношении к Богу заповедует любовь и благоговейное почитание; в отношении к ближнему заповедует не делать им того, чего себе не желаешь; во-вторых, совесть судит дела человека, которые он сотворил, и в-третьих, награждает его одобрением и спокойствием за добрые дела и наказывает угрызением и мучением за худые дела. Очевидно, что все это свойственно главным образом и прежде всего Господу Богу.

Как ум человека представляет Бога высочайшим Умом, так совесть, это дивное отображение Божества в человеке, говорит о Боге, как о всесвятом и правосудном Существе. В видимом мире Бог является только мудрым Законодателем, а не Судиею и Мздовоздаятелем, ибо законы Его исполняются неодушевленного природою и животными не свободно, но неуклонно и неизменно, а в свободном человеке Бог в первый раз на земле, именно в совести его, является Существом всесвятым, Судиею правосудным и Мздовоздаятелем. Суд совести в человеке нельзя ничем объяснить, как только тем, что действительно есть Бог, Судия и Мздовоздаятель, глубоко вложивший в душу человека чувство совести для постоянного напоминания ему о имеющем быть действительном суде Божиим над людьми. Как велико и неотразимо действие совести, это видно из того, что самые ожесточенные преступники нередко при малых уликах и даже добровольно, по одному побуждению совести, открывают людям свои тяжкие преступления. Сила совести видится и в том, что у всех народов есть понятие о добре и зле, и эти понятия сравнительно более чисты и согласны между собою, нежели умственные представления о самом Божестве, которые у многих весьма искажены. На исполнении законов нравственных, которые основываются на истине бытия правосудного Бога, утверждается спокойствие добродетельных, благосостояние семейств и обществ человеческих, и не может быть, чтобы благо народов основано было на лжи, как думают неверующие в Бога.

Исполнение закона требует великой внутренней борьбы, часто бывает сопряжено с внешними скорбями. И кто мог бы наложить на народы иго нравственных обязанностей, если бы они не положены были Богом в самом существе души, и если бы в ней не была укоренена мысль о Боге, Судии и Мздовоздаятеле? Чтобы победить стремления своей низшей, влекущей ко греху, природы, человек употребляет великие усилия. В нем происходит подобное тому, что бывает в растении. Семя, зарытое в землю, облегается ею, кроме того оно влечется вниз силою земного притяжения, но оно внутреннею своею силою старается пробиться наружу, вверх,

обходит поэтому разные препятствия на пути и, если выбивается на свет, тогда начинается для него истинная жизнь, в противном случае угрожает ему смерть. Так и человек вложенной в него духовной внутренней силой старается победить в себе стремление низшей природы, влекущей его к земле, и устремляется к небу, ибо там для него истинная жизнь.

Теперь обратимся к третьей главной силе души, к сердцу. Сердцем любим или не любим, ощущаем прекрасное, приятное и неприятное. Бог есть Любовь, есть высшая духовная красота. Бог есть существо вседовольное и всеблаженное. Любовь Божия есть причина создания разумных существ для вечного блаженства, и это блаженство может быть достигнуто тварями не иначе, как чрез любовь к Богу. Любовь человека к Богу есть главное всеоживляющее начало во всех отправлениях духовной жизни, по великому влиянию сердца на ум и на волю человека. Любовь в сердце человека начинается от познаний ума о Боге, но, когда сердце полюбит Бога и будет стремиться к нему, тогда в человеке более и более умножается и утверждается ведение о Боге. Кто кого любит, тот о том постоянно и помышляет. Любовь к Богу и Богомыслие нераздельны между собою. Только истинная любовь к Богу чистого сердца способна постигнуть *глубины Божии* (1Кор.2:10), насколько это возможно созданному существу. Сам Спаситель сказал: *блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф.5:8). И св. апост. Павел написал: *кто думает, что от знает что-нибудь, тот ничего еще не знает, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знать от Него* (1Кор.8:2–3).

Сердце, любящее Бога, укрепляет и волю человека и утешает его на тяжком пути исполнения нравственного долга, побуждает его оказывать добро и ближним и самим врагам; только любовь способна на удивительные подвиги самоотвержения.

Но человек поврежден грехом, и первый грех главным образом произошел от сердца, прельстившегося красивыми плодами райского дерева и возжелавшего восхитить Божеские совершенства. И теперь главный корень греха в сердце.

Спаситель сказал: *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мф.15:19). Оно ищет только удовольствий, не различая удовольствий дозволенных от недозволенных, не различая и средств к удовлетворению жажды наслаждения. Оно главным образом есть источник и тягчайшего из грехов – безбожия. Тяжела и горька сердцу, оскверненному грехами, мысль о Боге, Судии и Мздовоздаятеле; ему хотелось бы осуждать других. Поврежденное сердце не пойдет туда, где говорят о Боге. Оно не любит Бога, а боится Его, Оно старается помрачить и затмить очи ума, ясно видящего Бога, усиливается заглушить голос совести, громко говорящей о Боге, и нередко в том успевает и доводит человека до безумия, как сказал еще святой царь Давид: *рече безумец в сердце своем: несть Бога* (Пс.13:1). Господь долго терпит, ибо настоящая жизнь есть время воспитания и испытания. Он даже желает обратить к себе неверующее сердце благодеяниями, но оно еще более забывается. Наконец, Господь начинает лечить жадное до удовольствий сердце горькими лекарствами; ударит Он по сердцу нечестивого не раз и не два скорбями и бедами, и отчасти справедливо говорится: одна беда не ходит; это значит, что от одного удара ожесточенное сердце не смягчается. Пораженное сердце начинает озиаться: в самом деле, нет ли над ним высшего Существа; обращается к уму, а ум уже давно готов говорить о Боге; в уме часто бывают мысли и познания противоположные, то есть и за известный предмет и против него, так бывает и в отношении к Бытию Божию; но мысли, говорящие против бытия Божия, сами по себе слабые, прежде нравились сердцу, и оно их одобряло, охотно слагало вместе, склоняло ум ставить их на первом плане и действовало так незаметно и хитро, что уму казалось, будто он сам дошел до убеждения в небытии Божиим. Так бывает нередко между людьми: человек полагает, что он действует по своему уму, по своему убеждению, а, между тем, ум его в известном деле направлен был коварно и хитро издали другими. Итак, когда поражаемое бедами сердце захочет узнать от ума самую истину

о бытии Божиим, тогда в уме выступают те мысли и познания, которые говорят о Боге и которые доселе были в тени, и так как они несравненно сильнее, то ум и сердце узрят Бога, да и совесть заговорит сердцу: все эти беды тебе за то, что ты забыло Бога, и грешило против Него, и вот неверовавший человек, не приобретая новых познаний в науках, не переучиваясь, делается иным, верующим в Бога.

Конечно, не всякое сердце вразумляется и бедствиями, но на многих они действуют благотворно; об этом говорят опыты не только со многими лицами, но и целыми племенами и народами. Итак, по слову премудрого Соломона, который ни в чем не отказывал своему сердцу и чрез то причинил много бед своему царству, *будем больше всего хранимого хранить наше сердце, ибо из него источник жизни (Притч.4:23)*. Да не потекут из него для нас источники смерти. Если мы будем подчинять его желания голосу ума и совести и возгревать в нем пламень любви к Богу, то Бог будет с нами и в нас.

Чрез рассмотрение и исследование предметов видимой природы и сил духа человеческого мы не только убеждаемся в бытии Божиим, но и познаем свойства Божественного естества. Общие законы тяготения, света и теплоты, действующие во всем мире, гармония и порядок во вселенной говорят о единстве Творца и Промыслителя вселенной. Неисчислимое множество светил небесных, громадностью и отдаленностью от нас поражающих умы естествоиспытателей, свидетельствуют о всемогуществе Создателя миров. Мудрое устройство предметов видимого мира, наконец, высокий разум, данный человеку, громко говорят о высочайшем премудром и всеведущем уме Виновника существ. Всюду распространенная жизнь на земле и в земле, и в воздухе, и в водах, и в малых каплях воды ясно свидетельствуют о благости Творца. Свобода и совесть человека уверяют в том, что Господь Бог есть Существо всесвободное, всесвятое и правосудное. Сердце говорит о Нем, как о всесовершенной любви, как о Существо всеблаженном и вседовольном.

Возблагодарим Господа за то, что Он сотворил нас по образу Своему, даровал нам силы к по знанию Его, соделал

царями и иереями природы, чтобы мы от себя и от всех тварей неразумных возносили Ему молитвы, хвалы и славословия, и, уподобляясь Ему добрыми делами, достигали вечной славы на небесах (См. «Беседы об основн. истин, св. прав, веры», Сергия архиеп. владим.).

О бессмертии души и о том, что мы грешим не по нужде, а по произволению

Св. Кирилла, архиеп. Иерусалимского.

Приобретя ведение о святой вере в Единого Бога, познай, человеке, и себя самого, кто ты, а именно познай, что человек двойствен, состоит из души и тела, и что Сам Бог есть Творец души и тела. Знай также, что душа твоя свободна, и есть превосходное Божие дело, созданное по образу Сотворшего, что она бессмертна по милости Бога, дающего ей бессмертие, и есть существо живое, разумное, нетленное, по милости Даровавшего ей это; имеет власть делать, что хочет. Ибо грешишь ты не потому, что так рожден, и не по случаю впадаешь в блуд, и не стечением звезд, как пустословят иные, бываешь вынужден предаваться непотребству. Почему, избегая сознания в худых своих делах, причину их приписываешь невинным звездам? Не слушай звездочетов. Ибо о них говорит Божественное писание: да станут ныне и спасут ты звездочетцы небесе, и далее: *се вси яко хвратие огнем погорят, и не изымут души своя из пламене (Ис.47:13–14)*.

Душа бессмертная, и все души у мужей и жен подобны, различны же только телесные члены. Нет особенного чина душ, по природе согрешающих, и чина душ, по природе творящих правду: но то и другое зависит от произволения, потому что души всех в существе своем однородны и подобны.

Душа свободна; и диавол, хотя может подушать, но не имеет власти принуждать против произволения. Представляет тебе блудный помысл: если хочешь, примешь оный, а если не хочешь, не примешь. Если бы по необходимости жил ты блудно, то для чего было уготовлять Богу геенну? Если бы по естеству, а не произволению, творил ты правду, то для чего уготовлял бы Бог несказанные венцы? В овце есть кротость, но никогда не увенчается она за кротость, потому что кротка не по произволению, а по природе.

Без помощи благодати Божией человек не может сделать ничего доброго

Душа моя яко земля безводная (Пс.142:6).

Земля хотя бы имела весьма хорошую почву, хотя бы с прилежанием была возделана земледельцем и засеяна добрыми семенами, не может принести плода, если ко всему этому не примет в себе достаточно влаги водная, и весь труд земледельца все погибает; потому что от трудов своих не может он собрать никаких плодов и во время зимы принужден бывает истаявать голодом.

Подобное сему точь в точь бывает и с душой нашей. Она по природе своей наделена Творцом всеми дарами, способствующими ей возвращать в себе, яко на доброй земле, все добродетели. Но все эти природные дары могут остаться совершенно бесплодными, если человек не будет напоен благодатью Святого Духа. Благодать же св. Духа подается только тем, кои жаждут сей благодати, сознают свою немощь и, подобно пророку, призывают: *«возжажда душа моя к Богу крепкому живому»* (Пс.41:3); подается благодать тем, кои к действию благодати не ленятся приложить свой личный труд и все усердие. Без труда же с нашей стороны, и труда усиленного, благодать Божия *содействующая* никому не подается; потому что хотя Господь всем хочет спастись, но спастись желает не туне – не даром, а требует усилия с нашей стороны: *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»* (Мф.11:12).

Ради сего царствия св. мученики предавали свою плоть на раздробление и раны, а преподобные самовольно терпели всякия лишения и распинали плоть свою воздержанием и трудами; да и вообще – все святые всех времен получили благодать Духа Святого, а с нею и Царствие небесное, усиленным трудом и теплою к Богу молитвою.

Посему весьма ошибаются те, кои очень высоко ценят сами себя, свою собственную природу, и не стараются быть в общении с Богом – Источником истинной жизни и бессмертия,

отвергают Богоустановленные Православной Церкви таинства, чрез которые подаются нам дары Духа Святого, без чего мы, как земля иссохшая, не можем принести ни единого доброго плода, разве только терние греха и волчцы богоненавистой гордости, которая и самого светлого ангела свергла с неба и винула его в глубину адского мрака.

Равно ошибаются и те, которые вовсе не сознают достоинства бессмертной своей души, не веруют, что она создана по образу и подобию Божию, и предназначена для вечного блаженства в царствии небесном вместе с святыми Ангелами; но живут одною плотскою жизнью, по подобию скотов несмысленных – пьют, едят, веселятся, собирают богатства, ищут земной славы, не милуют нища и убога, о Бозе и вечной жизни совсем не помышляют и не желают сего. Таковые хотя мнятся быти мудры, но на самом деле глупы суть и безумны, потому что многие из них изучают все окружающее нас, распознают сокровенные законы природы, а сами себя познать не могут; не познавая же себя, не могут познать и Творца своего – Всеблагого, Премудрого, Всемогущего, Милосердного и Правосудного, воздающего каждому по делом его. Будучи же помрачены тьмою заблуждения, и самое бытие мира приписывают какому то безличному атомическому¹⁸ началу, как будто мир сам собою создавался.

Таковым духом неверия заражены ныне многие из высшего и среднего класса, и душепагубный яд сей начинает помалу переходить и в низшие слои общества и отравлять души неискусных и легкомысленных рабов Христовых. О, горе таким верующим, или, лучше сказать, ни во что неверующим!.., а особенно горе тако учащим, мнящимся быти вождями правого пути, светилами, наставляющими ко свету, а на самом деле они – вожди слепые, которые и сами впадут в адскую яму и увлекут за собою всех своих последователей!.. Все они грозно истязаны будут на страшном суде Христовом (которому они тоже не верят): участь их будет горее всех язычников древних и современных, потому что те, не познавши истины, заблуждаются, а сии, зная все, не хотят верить, не хотят кичливого разума своего покорить истине Богооткровенного

учения и правилам святой православной Церкви, в которой, как в богатейшей некоей сокровищнице, хранится все богатство чистейшей истины и все нужное ко спасению нашему.

Посему, братие, православные христиане, молю вас, берегитесь душепагубного сего учения, берегитесь разных лжеучителей, которые хотят отвести вас от покорности и общения Православной Церкви, потому что, отводя от Церкви, они отводят вас и от Христа Сына Божия, без Которого никто спастись не может, ибо Отец небесный дал Ему всякую власть на небеси и на земли (Мф.28:18), так что Сам Отец не судит никого, а весь суд отдал Ему – Сыну Своему; а посему, минуя Сына, никто не может прийти к Отцу, а следовательно, без посредства Сына и в Царствие Небесное никто войти не может.

Еще же веруйте несомненно, что весь мир видимый и невидимый стал быть не сам собою, но создан из ничего Всемогущим Словом Божиим; веруйте, что все содержится и управляется Премудрым Промыслом Того же Всемогущего Бога-Творца, и ничто в мире случайно не бывает, но все творится по мановению всеблаготворной воли Божией, подобно как в доме доброго хозяина, или в государстве, управляемом благоразумным государем, только в высшей степени пресовершенно, потому что и в распоряжении доброго хозяина и в управлении благоразумного государя, при всей их благонамеренности, иногда бывают ошибки; но у Бога Всеведущего никаких ошибок никогда не бывает – что предначертано в Совете Его, то непременно и совершится, как сказал Сам Христос: *«небо и земля мимо идут, словеса же Мои не мимо идут»* (Мф.24:35), и еще: *«скорее небо и земля прейдут, нежели иота или черта едина от закона, дóндеже вся будет»* (Мф. 5, 18).

Веруйте, что без помощи Божией ничего доброго и полезного сделать мы не можем; без помощи Божией мы способны творить только грехи и преступление закона Божия, но и то, если Господь, по долготерпению Своему, попустит сие, т. е. если попустит исполнить делом то, что произволением нашим совершили уже в сердце, за что пред лицом Правосудия Его являемся виновными и подлежащими наказанию, хотя и в меньшей степени, чем за исполнение задуманного греха самым

делом. Попускает же Он согрешать потому, что не желает стеснять свободного нашего произволения. А если иногда и удерживает грешника от злого дела, то творит сие единственно по любви к нему и ради какой-либо прежней его добродетели. Иногда же, милуя кого-либо невинного, не попускает злему человеку обидеть или умертвить его; и так избавляет одного от исполнения задуманного им преступления, а другого от обиды и смерти.

За таковое всеблагое о нас промышление и попечение буди Богу нашему слава во веки веков.

Монах Пахомий.

Ничто не может удовлетворить душу, кроме Высочайшего Блага

Человеческое сердце, нетвердое в желании вечности, никогда не может быть постоянным, но скоротечнее всего скоротечного, от одного переходит к другому, ища себе там покоя, где его нет. А в этих увядающих и преходящих вещах, в которых его страсти бывают пленными, не может найти истинного покоя; так как оно такого достоинства, что его не может удовлетворить никакое добро, кроме высочайшего. Оно настолько свободно, что ни к какому пороку не может быть принуждено. Поэтому для всякого собственная воля бывает причиной своего осуждения, или спасения; и поэтому ничего дороже доброй воли Богу не приносится. Благая воля Бога к нам низводит и нас к Нему направляет, благою волею Бога любим, Бога предпочитаем, к Богу стремимся, к Богу приходим и Им обладаем.

О, благая воля, по которой мы преобразуемся в подобие Божие, и делаемся подобными Ему! Так приятна Богу благая воля, что Он не благоволит обитать в том сердце, в котором ее нет. Благая воля приклоняет к себе Троицу этого высочайшего величия: ибо премудрость просвещает ее к познанию истины и любовь воспламеняет к желанию благости.

Блаженн. Августин.

О том, сколько мы заботимся о теле, и сколько о душе

(Иеросхимонаха о. Амвросия Оптинского).

В Евангелии сказано: *«кая польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою»* (Мк.8:36). Вот как драгоценна душа человеческая! Она дороже всего мира, со всеми его сокровищами и благами. Но страшно подумать, как мало понимаем мы достоинство бессмертной души своей. На тело, это жилище червей, этот повапленный гроб, обращаются все наши мысли от утра до вечера, а на бессмертную душу, на драгоценнейшее и любимейшее творение Божие, на образ Его славы и величия едва обращается одна мысль во всю неделю. Служению тела посвящаются самые цветущие годы нашей жизни, а вечному спасению души только последние минуты дряхлой старости. Тело ежедневно упивается, как на пиру богача, полными чашами и роскошными блюдами, а душа едва собирает крохи божественного слова на праге дома Божия. Ничтожное тело обмывают, одевают, чистят, украшают всеми сокровищами природы и искусства; а дорогая душа, невеста Иисуса Христа, наследница неба, бродит шагом изнуренным, облеченная в одежду убогого странника, не имея милостыни.

Тело не терпит ни одного пятна на лице, никакой нечистоты на руках, никакой заплаты на одежде; а душа от главы до ног покрыта сквернами, только и делает, что переходит из одной греховной тины в другую, и своею ежегодною, но часто лицемерною исповедью, только умножает заплаты на одежде своей, а не обновляет ее.

Для благосостояния тела требуются разного рода забавы и удовольствия; оно истощает нередко целые семейства, для него люди готовы иногда на труды всякого рода; а бедная душа едва имеет один час в воскресные дни для слушания божественной литургии, едва несколько минут для утренней и вечерней молитвы, насилу собирает одну горсть медных монет для подаяния милостыни, и довольна бывает, когда выразит холодным вздохом памятование о смерти.

Для здоровья и сохранения тела переменяют воздух и жилище, призывают искуснейших и отдаленнейших врачей, воздерживаются от пищи и питья, принимают самые горькие лекарства, позволяют себя и жечь и резать; а для здоровья души, для избежания соблазнов, для удаления от греховной заразы не делают ни одного шага, но остаются в том же самом воздухе, в том же самом недобром обществе, в том же самом порочном доме, и не ищут никакого врача душ, или избирают врача незнакомого и неопытного, и скрывают пред ним то, что уже известно и небу и аду, и чем они сами хвастают в обществах.

Когда умирает тело, тогда слышится скорбь и отчаяние; а когда умирает душа от смертного греха, тогда часто и не думают об этом.

Так мы не знаем достоинства души своей, и, подобно Адаму и Еве, отдаем свою душу за красный по виду плод. Почему же мы, по крайней мере, не плачем подобно Адаму и Еве? Плач потерявших душу должен быть горестнее плача Иеремии, который, оплакивая бедствия отечества, взывал: *кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез* (Иер.9:1).

У нас же большею частью забота о стяжании благ, только, к сожалению, часто земных и временных, а не небесных.

Забываем мы, что земные блага скоропреходящи и неудержимы, тогда как блага небесные вечны, бесконечны и неотъемлемы.

Всеблагий Господи! помози нам презирать все скоропреходящее, и пещися о едином на потребу спасению душ наших.

Душа – наше сокровище

(Из поучительн. слов святит. Илии Минятия).

У людей как будто весь ум в глазах: что видят, тем и дорожат, а чего не видят, то ни во что ставят. Они видят мир, и дорожат им, не видят души – и не умеют ее ценить по достоинству. Верно сказал царь Давид: *лживи сынове человечестии в мерилех!* (Пс.61:10). Мир и душа – это две такие вещи, о которых не умеют, как должно, судить живые, а только умершие. Итак, вы, умершие владыки земли, богатые сего мира, утешавшие себя мирской славой, красотой, сокровищами, что взяли вы с собой в могилу? Конечно, ничего; вы умерли, с вами умер для вас и мир. А что вы при этом потеряли? Конечно, все: и небо, и рай, и вечную жизнь, и Бога Самого! Какая же польза человеку, аще приобретает мир весь, и отщетит душу свою? Конечно никакой, а потеря великая. О, если бы живые хотя от умерших научились, что такое мир и что такое душа! Мы знаем, что такое мир: видим, как все его прелести непостоянны и обманчивы. Не текут так быстро воды речные, не вянут так скоро цветы полевые, не исчезают так внезапно молнии небесные, как быстро, легко и внезапно исчезают и радость, и наслаждение, и слава, и все прелести мира. Да, мы знаем, что такое мир, но не знаем, что такое наша душа. А ведь душа у нас только одна; ведь если мы ее потеряем, то все потеряем; ведь она бессмертна, и если мы ее потеряем однажды, то потеряем навсегда!

Для испытания великого терпения Иова Бог позволил диаволу коснуться всего его достояния, его детей, его здоровья, но с условием: *только душу его соблюди* (Иов.2:6).

И обнищал в единый час богатый праведник: его стада расхищены, сожжены молнией, его высокие палаты разрушены бурей, все его дети в один час были погребены под развалинами, и вот он – нищий, лишенный крова, осиротелый, лежит за городом на гноище, весь покрытый ужасными язвами с головы до ног, днем печет его солнце южное, ночью он трясется от стужи и сырости... Он потерял все, но души не потерял, и

слышите, что говорит? Потерял ли я богатства мои? Что до того? Наг изыдох от чрева матери моей, наг и отъиду! Лишился ли я детей моих? Бог их мне дал, Бог и взял: Господь даде, Господь отъят!.. Потерял ли я свое здоровье? Стало быть, так угодно Богу: якоже Господеви изволися, тако и бысть! Я потерял все; но ведь все это Бог у меня взял; Он может и снова отдать. А если и навсегда я все это потерял и за то славлю, благодарю, благословляю Имя Его святое, что во всем попустил Он мне искушену быть, но сохранил душу мою: *буди имя Господне благословенно во веки (Иов.1:21)*. Таков закон промысления у человеколюбца Господа, что когда Он попускает диаволу искусить нас, повредить нам в чем-либо из вещей, которыми мы так дорожим на сем свете, то Он повелевает ему: душу его соблюди, не смей коснуться сей дщери Моей, наследницы царства небесного! И поручает Он сию душу покровительству Ангела хранителя, чтобы он соблюдал ее от страха ночного, от сряща (несчастливого случая) и беса полуденного (*Пс.90:5–6*). А почему все это так? Да потому, что других вещей у нас много, а душа одна; потому, что если мы потеряем что-нибудь из вещей сегодня, то найдем завтра, как их нашел вдвое и втрое праведный Иов; а если мы потеряем душу, то никогда ее не найдем, и с нею все потеряем. Никакая потеря не повредит нам, если мы сохраним душу, и никакия приобретения не принесут нам пользы, если мы потеряем душу. Ради души мы на сем свете живем, ради ее уповаем и на блаженство будущее. Но странное дело! Если мы имеем единственное дитя, горячо нами любимое, сколько забот у нас о том, как бы оно не загорело на солнце, как бы не простудилось на сквозном ветру, как бы кто не обидел его, и однакоже это дитя не может спасти нас самих. Или если мы владеем каким-либо дорогим камнем самоцветным, мы так бережем его, что, если бы можно было, мы спрятали бы его в своем собственном сердце; и однакоже этим камнем мы не можем купить себе рай. Как же мы ни во что ставим душу свою, от спасения которой зависит все наше счастье здесь на земле и вечное блаженство в будущей жизни?!.. Нет, пусть, если нужно, погибнут и деньги, и пожитки, и все, что я имею на свете, но что касается моей души, которая у

меня только одна, то пусть не прогневаются на меня ни отечество мое, ни родители, ни братья, ни дети, ни начальники мои, ни приятели! Душу мою я никому не доверяю! И если будет нужда, я не прочь умереть, ибо все равно сегодня или завтра умереть надо же, но чтобы потерять душу, погубить ее, бессмертную – нет! Я никогда и никак на то не соглашусь. Моя душа бессмертна – в этом ее великое достоинство. Весь этот суетный и тленный свет, со всем, что в нем нам нравится, чем мы дорожим, имеет конец. *Преходит бо образ мира сего* (1Кор.7:31). Скоро или не скоро – всему будет конец. Всяка плоть сено, и всяка слава человека яко цвет травный: изше трава, и цвет ея отпаде (Же. 40:6–7). Одна душа бессмертна; она одна всегда живет, никогда не умирает. Какая же польза человеку, какая выгода, аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою? О, если б эта святая истина всегда пребывала в нашем уме и в нашем сердце! Если бы мы всегда помнили, что, погубив душу, мы погубим ее навсегда-навсегда! Заключит ее Судия праведный во ад и не отопрет сей темницы никогда-никогда!

О, душа моя, душа моя! Пусть лучше сокроется хоть сейчас же весь грешный мир со всеми его красотами, со всеми прелестями, от очей моих, лишь бы ты осталась у меня цела! И что такое этот мир, эта жизнь земная? Ночное привидение – не больше. А ты ведь прекраснейшее Божие создание, потому что ты у меня одна, ты бессмертна, и если я потеряю тебя, то потеряю навсегда. Но зачем мне терять тебя? Ведь ты моя, ты мне принадлежишь, а кто не ценит своей души в тысячу раз дороже всего этого суетного и тленного мира, тот или не имеет ее, или не достоин ее иметь!..

Распятый мой Иисусе, Сыне Бога живого! Дохнул Ты дыханием Своим для создания души моей; пролил кровь Свою для искупления ее, установил купель божественного крещения для ее обновления, определил другое крещение – покаяние для ее очищения, приготовил трапезу пречистых тайн Твоих для ее питания, создал здесь Церковь для ее освящения, а там – рай для ее блаженства, сделал все, что только могла сделать крайняя благодать Твоя ко спасению этой души, а мы не делаем

ли все, что только может сделать крайняя злоба наша на погибель ее?! Не допускай же нас до этой погибели, вечный Женише душ наших, не допускай! Пусть лучше мы все потеряем, да только душу сбережем, и если мы сбережем ее раз, то уже сберегли навсегда. Ибо кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, и отщтит душу свою?.. Да соблюдем же ее благодатию Твоею для Царства Твоего. Аминь.

Притча о теле и душе человеческой и о воскресении мертвых

(Из Пролога. Месяц Сентябрь, 28 число).

Человек некий доброго рода насадил виноград и оградил его стеною, устроил и ворота, но не затворил входа. Отходя же в дом отца своего, сказал сам себе: кого поставлю стражем сему моему стяжанию? Если оставлю здесь кого-либо из приставников моих, то они изгубят труд мой, расточат мое добро. Лучше сделаю так: посажу у ворот слепца с хромым потому что если кто из врагов моих захочет окрасть виноград мой, то слепец услышит, а хромец увидит. Если же кто из них пожелает окрасти виноград, то хромец не имеет ног, чтобы дойти туда, слепец же, если пойдет, то упадет в пропасть и убиется: и посадив их у врат, дал им власть над всем, что вне вертограда. И пищу и одеяние приготовил неоскудно, только сказал: того, что внутри вертограда, не касайтесь без моего повеления. И после того ушел, сказав, что возвратится со временем. И так долго они сидели и стерегли виноград. Чрез несколько времени слепец говорит хрому: что это за благоухание повеваает из внутри сих врат? Много добрых плодов господина нашего внутри за вратами сими, и вкус сих плодов неизреченный, – ответил хромец, – но так как господин наш перехитрил нас, посадил тебе слепого, а мене хромого, то и не можем никак дойти к тем и насытиться ими.

– Почему же ты прежде не сказал мне сего, – возразил слепец, – и мы бы не терпели столько времени! Ибо я, хотя и слеп, но имею здоровые ноги и могу носить тебя: возьми ты кошницу и сядь на мои плечи, и я понесу тебя, ты же указывай мне дорогу, и мы вся благая господина нашего объемлем. А когда приидет господин наш, укрыется от него наше дело; если мене спросит, я отвечу: ты знаешь, господине, что я слеп; если тебе спросит, скажи: я хром. И так перехитрим нашего господина.

Всед же хромец на слепца, и, дошедше, окрадоша овощь господина своего.

По времени же пришел господин винограда того и, увидев его окрадена, повелел привести слепца, и говорит ему: не доброго ли тебя стража поставил я винограду моему, для чего же ты обокрал его.

– Господине, ты знаешь, что я слеп, и хотя бы и хотел, то не вижу, куда идти, отвечал слепец: но покрал его хромец, а не я. Тогда повелел господин блюсти слепца, пока призовет хромца. Призвану же бывшу хромцу, начали они сами между собою свариться. Хромец говорить слепцу: если бы ты не носил меня, я никак не мог бы дойти, потому что я хром.

– А если бы ты не указал мне путь, то как бы я дошел туда, – отвечал слепец?

Тогда господин сел на судилищи и начал судить их. Потом он сказал им: Как вы крали, так да всядет хромец на слепца; и когда той сел, повелел слугам бити их обоих без пощадения.

Толкование

Разумейте же, братие сей притчи силу: человек доброго рода – Христос Сын Божий; а виноград – вся земля и мир сей. Ограда его – закон и заповеди; слуги же, бывшие с ним, Ангелы разумеются. Хромец – тело человеческое, а слепец – душа. А что посадил у врат, значит: дал во власть его всю землю и все сущее на ней. Но так как человек преступил заповеди Божии, поэтому смертью осужден бысть. Когда же приводится душа его к Богу, то оправдывается, глаголющи: не я, Господи, преступила заповеди Твои, но тело. Посему то нет полного мучения душам до второго пришествия Христова; но блюдомы суть в месте, одному Богу ведомом. Когда же приидет обновити землю, и воскресити умерших, как говорит св. Апостол Павел: *«тогда вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и оживут. И изыдут сотворшии благая в воскресение живота, а сотворшии злая в воскресение суда»*.

Тогда опять души внидут каждая в свое тело, и примут воздаяние по делом своим: грешники отошлются во тьму кромешную, где будет плачь и скрежет зубов, а праведники в жизнь вечную.

Душе моя, востани!

(Из творений преподобного Ефрема Сирина).

Востани, душа моя, спавшая доныне во грехе; отряси сон свой, спеши и в покаянии ищи прибежища; и Правдивый, быть может, умиловится слезами твоими. Ежечасно проливай пред Судиею слезы сокрушения о срамных делах своих. Бездна мучений ожидает тебя за дела твои и в воздаяние за непотребства твои... Сугубо плачь о себе, чтобы Правдивый и услышал тебя и примирился с тобою. Увы, душа моя! Зачем не радишь ты о жизни своей? Зачем в рассеянии проводишь немногие дни ее? Не знаешь разве, что вот-вот позовут тебя? Что же будешь делать там, живя нерадиво здесь? Что станешь отвечать в оправдание свое, представ престолу страшного Судии? Враг обманывает тебя, и изо дня в день расхищает достояние твое, а ты и не разумеешь того. Вострепещи, несчастная, и ужаснись мучений, какие сама себе приготовила ты! Плачь о себе, сообщница нечистых сил; потому что повсюду с тобою пойдет вечный огонь... Глубоко погрязла ты в похотях, и никогда не изникала из них. Терниями и волчцами заглушены помышления твои, и не принесла еще ты плодов покаяния. Страсти обуревали тебя, как волны, и потопили корабль в море грехов. Никогда не приводила ты себе на память того дня, который подвергнет испытанию все сокровенное. Что будешь делать, когда приведет тебя в трепет глас, требующий, чтобы шла ты в сретение Жениху? Свет очей твоих померкнет и исчезнет, и останешься ты вне с юродивыми девами. Запасайся елеем (добрых дел), бедная душа, пока есть еще время к оправданию! Проси себе оставления грехов вместе с блудницею, и слезами своими врачуй язвы свои! Отверзта еще дверь покаяния; войди, очистись от скверн своих!.. Ты, желающий спасения сынов человеческих, пощади душу, удалившуюся от Тебя! Приими ее, Господи, с обычною Тебе милостию. На праведном суде щедроты Твои да покроют меня грешного, и да избавят меня от мучения. Ты, оставляющий грехи и милующий туне, прости мне душевные прегрешения на

праведном суде! Славословие Тебе от заблудивших, которых собрал и привел Ты к покаянию!...

«Что спиши?»

(Из сочин. Преосвящен. Иннокентия, Арх. Херсонского).

Душе моя, душе моя, ты, которая у меня одна, так что если потеряю тебя, то лишусь всего, ты, которая, будучи создана по образу Божию, потому самому уже превыше всего мира, и даже по падении твоём искуплена драгоценною кровию Сына Божия, и предназначена к вечному блаженству с Богом на небе, *душе моя, душе моя, что спиши?* Для чего забываешь свою природу и достоинство, и так жалко отдаешь себя в рабство плоти и крови, в плен миру и диаволу – врагам твоим? Почто, созданная служить Богу живу и истинну, кланяешься до земли всякому кумиру страстей? Почто, предназначенная к вечности, расточаешь безумно и время и таланты, тебе вверенные, на суету, не помышляя об ожидающем тебя за все это отчете? *Душе моя, душе моя, востани, что спиши!* Тут ли спать, когда пред тобою небо и вечность с разверстыми вратами? Тут ли спать, когда за тебя сражается небо с адом; когда всезлбный враг назирает все пути твои, напрягает все силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя навеки? *Душе моя, душе моя, востани!* Отряси сон от веждей твоих, и обрати их на себя самую и на твое великое ирпредназначение! Востани! Сбрось постыдные узы злых навыков, коими, как пленница, привязана ты к земле и тлению! Востани и посмотри, как все ожидает твоего пробуждения: ожидает Ангел-хранитель, дабы не всуе находиться при тебе и не плавать безутешно о твоём ожесточении во грехе; ожидает Церковь Божия, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и таинствами; ожидает совесть, дабы вести тебя по стопам правды; ожидает сама смерть, дая место покаянию, дабы не восхитить тебя со грехами твоими пред страшный суд Божий... Ты спишь, бедная душа моя, а время благодати и помилования течет и уходит не возвратно! Ты спишь, а бремя грехов твоих растет и множится без числа и меры! Ты спишь, а враг твой не дремлет и опутывает тебя с ног до головы новыми сетями! Ты спишь, а Ангел смерти грядет, и конец твойё приближается! Приблизится,

настанет, застигнет, поразит, и что будет тогда с тобою? Помогут ли тебе блага земные, для собирания коих забывала ты Бога и жертвовала всем? Защитят ли тебя от гнева Божия легкомысленные друзья твои, с которыми ты проводила и губила время? В чем будешь искать отрады и утешения на ложе смертном? Ах! Тогда то узнаешь во всей силе, как праведно говорили тебе, что *кая польза человеку, аще приобрящет весь мир, и погубит душу свою! (Мк.8:36)*. Познаешь, но что выйдет из сего познания? Одна скорбь лютая, одно смущение и отчаяние: *и имаша смутитися!* Смутитися и от прошедшего, которое предстанет тебе со всеми грехами и нечистой жизнью твоей; смутитися и от настоящего, которое будет исполнено ужаса, мук смертных и отчаяния; смутитися, наконец, и от грядущего, которое, так долго забываемое, отвергаемое, явится пред тобою во всем грозном и низлагающем величии своем...

Душа падшая, душа пленная, душа погибающая, пробудись от своего нечувствия и познай, кто ты? Грех и страсти унизили, ослепили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь дороже всего видимого мира: ибо ты – одушевленный образ Божий. Сама по себе ты не можешь и подумать о том, чтобы сразиться с жестоким врагом твоим и разорвать узы, на тебя возложенные, но у тебя есть всемогущий Заступник, Который может *связать крепкаго (Мф.12:29)* противника твоего, разрушить все твердыни его и преподать тебе все средства к возврату в отечество. Предай себя Ему, и невозможное сделается возможным. Как бы ни были тяжки и велики грехи твои, хотя бы чернотою своею ты походила на самого духа злобы: все исправится, все убелится, все просветлеет и ты паки сделаешься таким существом, в коем будет почивать Сам Бог.

Для чего же, бедная душа моя, ждатель нам с тобою безопасно нашей гибели? Для чего, смежив умные очи, итти всю жизнь к пропасти адской? Что мешает нам остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время к тому? *Душе моя, душе моя, воспряни убо!* Раскрой глаза и поднимись с греховного ложа; решишь служить Богу живу и истину, как ты служила доселе идолам страстей; а все прочее уже готово к твоему спасению. Готово Евангелие для вразумления тебя во

всех случаях жизни; готова драгоценная одежда заслуг Христовых для прикрытия твоей духовной наготы; готово Тело и Кровь Сына Божия для насыщения твоего голода; готов елей и бальзам для уврачевания твоих ран, готова всемогущая благодать Духа Святого для подкрепления твоих слабых сил; готов самый венец для увенчания твоих малых подвигов. *Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог! Слышишь ли, как Он гласом Евангелия вещает с пренебесной вечери Своей: и еще место есть (Лк.14:22).* Это место для нас с тобою, душа моя! Поспешим же сделаться его достойными, доколе не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угас елей во светильнике нашей жизни! Аминь.

Тело служит душе преградою ко греху¹⁹

Напрасно сетуют на тягость тела и думают видеть в нем мрачную темницу души. Зиждителю мира благоугодно было создать существо чувственно духовное, конечно, потому, что по целям Своей творческой премудрости Он находил такое существо благопотребным в составе мира. Созданный дух человеческий Творец вводит в тело, образованное из персти. Образую человеческое тело, Господь, конечно, уготовлял в нем не темницу, но жилище светлое и нисколько не стеснительное для духа, предназначенного к нескончаемой усовершенности. В невинном состоянии человека тело нисколько не тяготило дух, но, по мере его усовершенности и преуспевания в добре, оно и само постоянно бы утончалось, просветлялось и одухотворялось. С падением духа и тело, без сомнения, огрубело, сделалось тяжелым бременем души, непроницаемою преградою между человеческим духом и миром духов безплотных. Тело тленное, говорит Мудрый, отягощает душу, и земное жилище обременяет ум многопопечительный (Прем.9:15). «Тело, – по словам Богослова, – облако, омрачающее душу и препятствующее ей ясно видеть Божественный луч. Между нами и Богом стоит сия телесная мгла, как древле облако между египтянами и евреями. И сие то, может быть, значит: *положи тму за кров свой* (Пс.17:12), то есть нашу дебелость, чрез которую прозревают немногие и немного». Но если тело и действительно стоит средостением между человеком и миром духовным, то средостение это воздвигнул сам же человеческий дух, разъединившийся с Богом и отпавший от Него. В раю тело не было преградою непосредственного общения между человеком и Богом. Огрубелость и тяжесть тела есть уже следствие греха, за которое человек может винить только самого себя. Премудрое и благое устройство Божие открывается в том, что самая эта огрубелость и дебелость тела обращается теперь во благо человеку. Тело служит теперь преградою греха, образует в себе среду, в которой сила зла смягчается, как бы притупляется грубою телесностию, и

действие его бывает не так напряженно и быстро, как в безплотных духах тмы. Тело служит ограничительною причиною, почему человеческий грех не является, или очень редко является, как чисто-духовное самообоготворение, как сознательное восстание на Бога, как бесовская злоба или ненависть к добру. Большею частию человеческий грех является как скрытная, более или менее бессознательная вражда на Бога, как рабское служение твари, как подчинение тому или другому чувственному влечению. Человек работает греху, очень часто и не подозревая, какое внутреннее начало движет его влечениями и действиями; и сам бы ужаснулся своей греховности, когда бы пришел в ясное и отчетливое сознание, что всякая похоть и ее удовлетворение *вражда Богу есть* (Иак.4:4). Такая бессознательность человеческого греха в известной мере ослабляет силу греха и уменьшает виновность грешника. В теле заключается причина и того, что зло сдерживает и ограничивает свою разъединяющую силу во взаимных сношениях между людьми. «Бог, – говорить Златоустый, – провидя, что люди будут самолюбивы, связал их взаимными нуждами и сим, как уздою, обуздал их самолюбие». Взаимные нужды и потребности жизни телесные невольно сближают людей и заставляют их признавать и уважать взаимные выгоды и права. При своем личном самолюбии и своекорыстии, каждый волею или неволею признает и уважает благо общее и, при известных обстоятельствах, жертвует ему своими собственными выгодами и даже самую жизнь. Кровный союз есть вместе основание союза духовного и нередко последний оплот против всепоглощающего потока зла. От этого то и бывает, что человек, совершенно иссушенный злом, еще сохраняет остаток добра, способность любви не вовсе корыстной, готовность жить для других в той области жизни земной, которая ближе к телу, именно в жизни семейной. Таким образом, если тело и есть темница души, то заключение в ней спасительно для узника, как благодетельное ограничение и смягчение его необузданного самолюбия. Приидет время, когда темница сия преобразится в светлое и славное жилище духа, очищенного от зла. Итак, в суде Божиим над Адамом (и

всеми потомками его) мы видим Божественное правосудие, обращающее в наказание грешнику естественные следствия греха его и правосудие, преисполненное любви, а потому направляющее самые наказания во благо наказуемого, за что и должны мы благодарить и прославлять Всеблагого Бога, Творца и Промыслителя нашего.

Примечания

- ¹ - Труды Киевск. духовн. академии. Окт. 1865 г.
- ² - Примечание: Выписки, не помеченные отдельно, выписаны из книги «Учение Св. Отцов Церкви» – священ. Кашменского.
- ³ - Из книги «Дивные свойства души человеческой».
- ⁴ - Из книги «Душа человеческая», – Стопановского
- ⁵ - Из книги Душа человеческая. Н. Стопановского
- ⁶ - Августин
- ⁷ - Бог имеет общение с душами достойными, но только не существенно, а благодатно.
- ⁸ - Цитадель – высокая крепость, устраиваемая в городе внутри другой крепости.
- ⁹ - Но правильнее понимать, что душа, по воле создавшего ее Творца, бессмертна по естеству, а не по благодати, потому что осужденные на вечное мучение грешники не имеют благодати, а между тем бессмертие не отнято от них. Составитель.
- ¹⁰ - Из сочин. Иннокентия, арх. Херсон. и Тавр.
- ¹¹ - Подобное сему есть в листке «Живой мертвец», издание Пантелеимонова монастыря.
- ¹² - Вноска составителя.
- ¹³ - Выписки с небольшим изменением из книги «Путь ко спасению» сочин. Феодора Эмина 1890 г.
- ¹⁴ - Душа, как дух, очертания не имеет, но так как она тесно соединена с телом, то и по выходе из тела принимает вид тела со всеми подробными его очертаниями. Состав.
- ¹⁵ - Составитель.
- ¹⁶ - Изумительные, вызывающие удивление.
- ¹⁷ - Взято с небольшим сокращением из книги: «Преосвящ. Феофан, затворн. Вышенский».
- ¹⁸ - Атомы – неделимые малейшие частицы, из которых, по учению естествоиспытателей, состоят все тела. Но ведь и

самые сии атомы не могли создаться сами собой, а созданы Богом из ничего. И как бы неверный человек ни мудрствовал, все же в конце концов выходит, что Бог создал вселенную, как говорит Пророк: «Той рече, и быша, Той повеле, и создашася» (Пс.148:5).

¹⁹ - Из книги «Премудрость и Благость Божия в судьбах мира и человека» 151 стр.